

БАФОМЕТ – ИДОЛ ПОСТМОДЕРНА

[Василий Дворцов](#)

28.05.2020 933

«Я – МИСТИЧЕСКИЙ ПИСАТЕЛЬ». Вот так, верхним регистром заявил Михаил Булгаков своё кредо в знаменитом письме к Советскому Правительству. Прямое ли, косвенное ли подтверждение этим словам я засвидетельствовал, когда в 1995 году наша семья отдыхала в Горном Алтае. Познакомившись с Людмилой Романовой, директором Элекмонарской средней школы и преподавателем литературы, мы оказались гостями в чудном доме, окружённом доцветающими кустами роз и тяготеющим плодами яблоневым садом. В «директорском кабинете» на сплошь закрывающих стены стеллажах рядами стояли десятки одинаковых книжек.

- Школьная программа меняется, вводятся новые авторы. Ну, и приходится, когда попадаю в город, закупать для детей оптом, сколько могу. Среди прочего тесной обоймой краснели корешки «Мастера и Маргариты».

- Булгаков тоже теперь обязателен, но ничего другого я ни в одном магазине не нашла.

Зная, что Людмила не просто верующая, но активная прихожанка недавно открывшегося в Чемале храма (собственно, настоятель нас и познакомил), задаю понятный православным вопрос:

- И – как?

- Две девочки уже «тронулись». Начался лунатизм, появилась агрессия к родным, к одноклассникам. По ночам зовут «голоса», диктуют какие-то тексты.

«Мы исправили подвиг твой, – продолжил Великий Инквизитор, – мы основали его на тайне, чуде и авторитете. И люди обрадовались, что их вновь повели, наконец, как стадо и с сердец их снят, столь страшный дар свободы, принесший им столько муки... Я не скрою от Тебя тайну нашу. Мы не с Тобой, а с ним.» – «Я абсолютно убежден, что пересказанным мною отрывком романа «братья Карамазовы», точнее его превратным пониманием, нанесено масонству в России вреда больше, чем всех писаниях Нилуса, Воробьевского, Платонова и иже с ними вместе взятых». – Пишет «брат В.» из современной русской ложи «Изида и Осирис» № 17.

Как заявляют сами «достопочтенные братья», возрождение масонства в России стимулировалось поражением в Японской войне, революцией 1905 года и рождением русского парламентаризма, то есть имело чисто политическую основу. Согласно Б. Элькину, родоначальником русского вольно-каменьщечкого ренессанса стал делегат «Великого Востока Франции» М. Ковалевский, при содействии которого во французское Послушание Великого Востока к 1906 году были введены пятнадцать знаковых русских

фигур, среди которых – В. Маклаков, Вас. Немирович-Данченко, А. Аничков, А. Амфитеатров, В. Ключевский, изобретатель П. Яблочков, кн. С. Урусов, дипломат И. Лорис-Меликов, гр. Орлов-Давыдов, барон Мандель, присяжный поверенный М. Маргулиес. Причём Маргулиеса, известного в Петербурге адвоката, посвятили в 18-ю степень прямо в здании тюрьмы, где тот отбывал срок за революционные проступки. Через два года в Москве, Петербурге, Киеве, Нижнем Новгороде, Харькове и других городах открылось не менее 18 лож.

«...от начала Первой мировой войны вплоть до февраля 1917 г. в России не было профессии, учреждения, казенного или частного общества, организации или группы, где бы не было масонов.» – утверждает Нина Берберова. – «1917 год оказался для русских масонов апогеем их деятельности, ... накануне Февраля на территории Российской империи было 28 масонских лож обоих Уставов. Это число, в свете архивных данных, мне кажется преуменьшенным...».

Действительно, с 90-х годов XIX века по 1917 год в России (без Польши и Финляндии) лож работало никак не менее 50. В донесении министру внутренних дел от 14 декабря 1910 г. начальник Петербургского охранного отделения уведомлял, что по полученным им, хотя «по вероятности, сильно преувеличенным» сведениям, орден мартинистов в России насчитывал несколько десятков тысяч человек. В одном только 1910 г. «вступило 8 тысяч человек, но желающих было более 10 тысяч». Так что Генеральная делегация даже возбуждала перед правительством вопрос о легализации ордена.

О.А. Платонов: «Масонство в России носило откровенно политический, заговорщический характер, так как ставило своей целью «ниспровержение в России самодержавного режима и установление демократического государственного строя.» ... «Документально зафиксировано участие в 1919 году в масонской ложе "Единое Трудовое Братство" председателя Петроградского ЧК Г.И. Бокия. Несомненно продолжались масонские контакты "вольных каменщиков"-большевиков - Луначарского, Бухарина, Скворцова-Степанова, Середы, Вересаева, Красина и др. Школу масонства прошел и Л. Троцкий, который, по данным Берберовой, вступил в ложу восемнадцати лет от роду. По сведениям авторитетного русского исследователя масонства Н.Ф. Свиткова (Степанова), полученным из внутренних масонских источников, в рядах вольных каменщиков состояли В.И. Ленин, Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, Я.М. Свердлов, Х.Г. Раковский, М.М. Литвинов. Сведения о масонстве Ленина противоречивы. По одним данным он состоял во французской ложе «Белиль» (1908), по другим – во французской ложе «Искусство и труд» (31°), по третьим – член английской ложи в Лондоне.».

«Великий Восток» продолжал испускать свои метастазы, распределяя неофитов согласно их политическим пристрастиям. Но, параллельно с «прагматическими» тайными политекучками, внешне оформляемыми в партии, Россия активно покрывалась и чисто мистическими объединениями, которые не особо дорожили покровительством европейцев. Так, по материалам В. Брачева, в 1910 году делегат французского Ордена мартинистов Ч. фон Чинский (варшавский выкрест в католики, выросший в Австрии) посвятил в Орден и назначил Генеральным инспектором петербургского отделения известного оккультиста Г. Мебеса, который уже в 1912 году заявил о разрыве с Францией и создании Русского автономного ордена мартинистов, до начала 20-х годов издававшего журнал «Изида». Одновременно с мартинистами в одном только Петрограде сформировались самостоятельные оккультные общества – «Сфинкс», «Орден рыцарей Грааля», русское отделение спиритуалистического ордена «Рыцарей Филарета», мистико-церковный кружок А. Семигановского (ставшего после революции обновленческим епископом), «Общество возрождения чистого знания» с издательством «Китеж», рерихианское «Амаравэлла» и другие.

К мартинистам принадлежала и знаменитая ложа «Люцифер», в которую входили поэты-символисты Вяч. Иванов, В. Брюсов, А. Белый и, возможно, А. Блок, позднее перешедшие в розенкрейцерство. Мартинисты (мартинезисты) являли собой «классическую» эзотерическую школу – с почти полным контролем над личной жизнью членов, изоцирённой обрядностью, проводя активные занятия по телепатии и психометрии. Выделившиеся из них розенкрейцеры искали магического подчинения окружающей природы; антропософы стремились к изменению человеческого сознания, и только политизированные каббалисты продолжали направлять свои усилия на преобразование общества.

Судя по материалам «ленинградского масонского дела», эти объединения и ложи открыто действовали до середины двадцатых. Ибо ещё в 1921 году Б. Астромов-Кириченко совершенно спокойно инициировал своё собственное «Русское автономное масонство» с ложами «Трёх северных сестёр» (позднее «Кубический камень»), «Пылающий лев», «Дельфин», «Золотой колос», «Великая ложа Астреи» и «Гармония». Московская ложа розенкрейцеров («орионийцев») вообще была закрыта только весной 1933 года, когда большинство членов было арестовано, правда вскоре, после подписки о прекращении деятельности, освобождены.

М. Пришвин вспоминал: «...вождь секты «Новый Израиль» Павел Михайлович Легкобытов сказал Блоку:

- Поймите, Александр Александрович, что мы здесь представляем из себя кипящий чан, в котором все мы со своими штанами и юбками сварились в единое существо. Бросьтесь вы в наш чан, и мы воскресим вас вождём народа.»

Как и прогрессивный Петербург-Петроград, так и либеральная Москва начала двадцатого века кипела «тайными обществами». Секты, мистические объединения, спиритические кружки и теософские собрания, регулярные и самозванные масонские ложи различных обрядов и направлений вбирали в своё членство или зачисляли в сторонничество практически всю «прогрессивно мыслящую» интеллигенцию – от академической профессуры до свободных художников, от чиновников до философов революции. Не «состоять» или не «числиться» в те времена было подобно отсутствию носового платка. На улицах, в студенческих аудиториях, в салонах и ресторанах считалось дурным тоном хоть в чём-либо поддерживать правительство, любое сотрудничество с властью расценивалось как предательство «идеалов». Либеральная и откровенно социалистическая печать, практически полностью подчинённая международному масонству, подвергала глумлению отечественные традиции и обычаи, травила всё национальное, внедряя представление, что добиться «светлого будущего» в России возможно только насилием, через революцию.

В этом угаре Москва, словно в каком-то странном предчувствии окончания своего стольного «вдовства» и предвкушении возвращения царской короны, необъяснимо заранее вбирала и сублимировала в себе невероятные энергии, привлекая из-за границ и из провинций невозможные по фантастичности личности. Энергии без разбора. И без различия.

Свершилось! – Страну сотрясли Февральский и Октябрьский перевороты с последующим перерождением Мировой войны в Гражданскую, с установлением большевистской диктатуры и переездом нового правительства в Кремль. Только того ли правительства, коего Белокаменная поджидала?..

1 октября 1909 года митрополит Антоний (Храповицкий) произнёс слово о храме Василия Блаженного: «Святая Русь должна объединить все восточные народы и быть их водителем к небу. Замысел этот есть осознанная нашими предками задача, данная Богом нашему народу... Но вот, настал печальный перелом, плачевное отклонение русской жизни от своего призвания. Столица перешла к пределам пакостных чухонцев, удалилась от древних святынь и чудотворных ликов, от хранимого здесь Христова хитона и «земного неба», под сводами которого помазываются Цари на царство». А до того Владыко писал: «Правительство XVIII века оторвало духовенство от народа, зажало первых в рамки отдельной касты, воспитало ёе не в понятиях и бытовой дисциплине народного Православия, а в традициях латинской школы и теоретической богословской схоластики. Народ отстранялся все далее и далее от церковной книги и от церковного клироса и, что еще печальнее, остался одиноким в своем религиозном быту»...

Разлом Русской государственности и подрыв Русской цивилизации явились лишь победными штурмами в окончании длительной осады духовной основы России – Русского Православия – осады синодального периода. Петр I, доводя «религиозную реформу» до полного низведения Церкви в бюрократический аппарат, считал важнейшим делом подавлять мистическую, богословскую, научную и педагогическую жизнь Православия, вплоть до того, что личным указом воспрещал монахам держать у себя книги и чернила, а «экспроприация» монастырских ценностей Екатериной II довела большую часть обитателей до прямого нищенства. За фейерверками и салютами викторий «времен императриц», мы как-то опускаем страшные гонения на Русское Православную Церковь – протестантско-волюнтаристские унижения Таинств (кипячение св. воды) и тотальные сокращения клириков до катастрофического минимума Анной Иоанновной (сотни церквей стояли без священства), обесмысливания монашеского чина массовыми насильственными постригами отслуживших своё солдат Екатериной Великой – когда «Православие было лишено даже права именоваться таковым, когда церковная иерархия и церковная жизнь были едва только терпимыми, когда открыть новый монастырь было труднее, чем какой-нибудь игорный притон».

Языческий Рим основывал наднациональную и полирелигиозную империю на цезареоцентризме. Культ обожения императора до уровня Юпитера не связывал государственную власть с «неведомым» Демиургом: пантеизм с его революционной (отцеубийство) сменой поколений богов, удалял акт сотворения мира за пределы интересов людей. В современной Риму вселенной император-юпитер воплощал космополитическую силу, сдерживающую эту вселенную от вандальского хаоса и только. Но Рим стал последним языческим сверхгосударством, и святой Константин – с переносом столицы – преобразил наднациональную цезареоцентристскую империю в

империю христоцентричную, переосмыслив её полирелигиозность децентрализацией чуждых христианству культов на периферию жизни Византии. Положенная в основание мироустройства христоцентричность, создала не просто новый тип империи – она создала в пределах этой империи новый мир, новую цивилизацию – с новыми идейностью, государственностью, моралью и культурой.

И опять «Вначале было Слово...». Рождение Византийской цивилизации связано со II Вселенским Константинопольским собором 281 года. Тогда Восток и Запад Европы впервые ощутили свою несходность и обозначили её в различии священных языков: римский папизм строил будущее на уже мёртвой латыни, византийское патриаршество – на живом греческом. Два языка – и как результат – две культуры, две цивилизации, два мира. Расхождения в богословии, ритуалах, влияниях и политике – при непонимании друг друга – всё больше разводили Европу: «церковь как государство» – на закат, «государство как церковь» – на восход. В 800-м году папа Лев III самостоятельно короновал Карла Великого Римским императором. В 867 патриарх Фотий впервые анафемствует папу Николая I за канонические нарушения. С 1054 между православными и католиками разорваны евхаристические отношения. В 1097 году крестоносцы захватывают Константинополь и грабят святую Софию.

Гибнущий под турецким нашествием Царьград передал свой царственный и мученический венец Руси.

Православие в своём патриаршестве эхом вторит христоцентричности вселенной, и Русь-Россия наследным византийским православием воплощала эту христоцентричность в своей самодержавности – симфонии царства и патриаршества. Но на конфликте Алексея Михайловича и патриарха Никона пресеклось развитие Святой Руси, её самобытие. А молодой «реформатор» Петр – опять же переносом столицы! – свернул христоцентричное царство в ветхость наднациональной империи. Лишившись духовно-творческой сердцевины, Российская Империя вновь утверждалась только на цезареоцентризме – на внешней, физической противосиле хаосу. И забывала заповеданный Киевским митрополитом Иларионом принцип жизни по Благодати.

Беспредметны споры – Европа ли Россия? Европа, но православная, а не католическая. Петербургский, как и его производные – советский и переживаемый ныне либералистские периоды, в духовном, душевном и физическом плане есть вторжение, прозелитство, экспансия западной цивилизации на территорию, точнее в тело, душу и дух византийского мира. Сменой титула «Царь» на «Император» революционер Пётр останется в мистической истории России не столько старообрядческим «антихристом»,

сколько палачом православного патриаршества. Именно вульгарно-протестантское виденье государства (да и человека) не организмом, а как механизмом, машиной (возрожденческая идея, развитая Гоббсом и Руссо), более двухсот лет насильствовало русское богословие, давило русскую духовность, калечило русское богоискательство, породив и выпестовав невероятное количество сект и ересей, одним только перечнем сравнимое разве что с перечнем ересей периода Вселенских соборов. Патриаршество не вписывалось в модель механического бюрократического государства, и было отсечено за нецелесообразность. Однако, обезглавливая православие, Пётр зашёл дальше того, чего, наверное, хотел: и из-под топора «великого плотника» брызнула полирелигиозность, рано или поздно приведшая к идеологической зависимости Российской Империи от неправославных традиций и прямо антихристианских культов.

«Большая часть людей носит добровольно в сердце тяжесть сатанинскую, т.к. привыкли к ней, то часто и не чувствуют её и даже увеличивают её незаметно. Иногда, впрочем, злобный враг удесяттеряет в них свою тяжесть, и тогда они страшно унывают, малодушествуют, ропщут, хулят имя Божие. Обыкновенное средство прогнать тоску у людей века сего – вечера, карты, танцы, театры. Но эти средства после еще больше увеличивают скуку и томление сердца.» – Писал о своём времени о. Иоанн Кронштадтский. Результатом двухсотлетних стараний по превращению Тела Христова в государственный департамент, когда Божий иерей низводился до чиновника, а присутствие на литургии являлось лишь признаком политической лояльности – стало мистически дезориентированное, агонизирующее скептицизмом сознание распадающейся расхристанностью личности.

Российская интеллигенция – большеглазый и бескровный гомункул петербургского престоловладения. Странная, не имеющая ни начала, ни конца, внепрофессиональная, внесловная, вненациональная и внерелигиозная совокупность умных людей. Умных – само по себе, самоцельно, самодостаточно. Живущих по чести, чести и честолюбию, действующих дерзко и безнадежно, мыслящих романтично до цинизма. Культура дворянского заката ещё догорала лилово-алой полоской славянофильства, когда заполнившие конторы, банки, гимназии, театры, лаборатории, управления, госпитали и телеграфы разночинные демокриты и демосфены уже единохрипно задыхались в «пошлой беспросветности режима» и жаждали «борьбы за светлое будущее». Чьё? Конечно же – всемирно-всеобщее! Порождённая имперской бюрократией, вынужденная иезуитскими и лютеранскими лицами и школами, перекормленная «могильной» академической схоластикой и притравленная слухами о французских свободах совести, петербургская интеллигенция видела собственную страну через картины итальянских художников, думала о ней немецкими натуралистами и мечтала английскими экономами.

«Что есть Истина?» Из столицы скепсис расползлся и вульгаризировался, проникая в провинциальные университеты, городские гимназии и уездные семинарии, и так киник Понтий Пилат множился и расплылся в сотни тысяч нигилистов Базаровых и Рахметовых. Раскольниковых и Смердяковых.

Разрушение религиозных ориентиров вело к разрушению в ориентирах этики и эстетики. Под знаком «нового искусства» процвела спиритическо-кокаиновая эклектика, и прозелитствующие в выжженную обер-прокурорством духовную пустошь Антика, Египет, Ислам, Индия, Китай и Африка густо смешались в «русском модерне». Естественным символом конца петербургского периода стал титанизм с его уродами – горгоны, сфинксы, грифоны, кентавры и ехидны караулили парадные двери, за которыми в тайных сумрачных комнатах курился бамбук и опий, восхвалялись «Адонис-Адонай критский, Озирис египетский, Таммуз вавилонский, Аттис хеттейский, Митра иранский, Дионис эллинский, Кветцалькоатль древнемексиканский», творились поэтические мистерии «девства-скопчества», чёрные мессы и гомосексуальные оргии «двойных содружеств». А над «северным Римом» царил Меркурий-Гермес – Гермес Трисмегист, хранитель тайного знания и покровитель слугителей золота. Это он вознёс свой змеиный жезл над бесчисленными банками, банкирскими домами и магазинами, перекрывая кресты редких колоколен.

Этот жезл (правда, не в руке, а промеж ног) держал Бафомет – странное крылато-рогатое существо на троне, заклеимённое пентаграммой: «он зверь и человек, он женщина и мужчина в одном лице, он верх-низ, он бело-чёрный и добро-злой» идол «утешенных». И он же Вольтеровский «деизм разума», «философ на троне неба», «великий геометр» и «бесконечно искусный работник». А так же «законодатель правил природы и морали» и «судья над людьми». Впрочем, об этом существе позже.

«Деизм разума» – деизм этики и эстетики... Дезориентация сознания достигла пределов смысла человеческой жизни и заглянула далее:

И Господа

И Дьявола

Хочу прославить я! – В. Брюсов к З. Гиппиус, 1901 год.

И ладно бы воздухоплаватели-поэты, но уже профессор Киевской Духовной Академии, священник А. И. Булгаков (отец писателя) в обзоре «Современное франкмасонство» (1903) волнуется за то, что «в настоящее время ряды франкмасонских лож наполняются евреями» и «понятное дело, что от таких лож нельзя ожидать ничего доброго для христианства». Как будто для христианства стоило ожидать чего-то «доброе» от самого франкмасонства!

В начале 1920-х годов Николай Бердяев провозгласил эру «нового средневековья»: «Это не значит, что в новом средневековье обязательно количественно победит религия истинного Бога, религия Христа, но это значит, что в эту эпоху вся жизнь со всех своих сторон становится под знак религиозной борьбы, религиозной поляризации, выявления предельных религиозных начал».

Крик муэдзина с турецкого минарета, пристроенного к святой Софии, стал символом победы Рима над Константинополем, папизма над патриаршеством, латыни над греческим – и Византийская культура уступила Европе Средневековью.

Средневековье... Знамя романтизма и жупел просвещения... Понятие слишком расплывчатое, слишком многозначное и не обозначающее ничего конкретно. Схоластика и алхимия, каббала и инквизиция, турниры и междоусобицы, культ Прекрасной Дамы и работорговля, витражные розы в химерических складках – готическое цветение Западной Европы не возымело параллелей ни на Балканах, ни на Руси. Выбиваемые из Палестины рыцарские ордена несли в себе семена ближневосточного гностицизма и магии, навстречу им двигались гонимые Испанской

реконкистой иудеи-каббалисты, алхимия поднимала из прошлого тайны друидов, альбигойцы вторили манихеям, а римский епископ, увлечённый социализацией веры, мечом и огнём инквизиции пытался противляться хлынувшему из преисподней духам. Корью лучше переболеть в детстве, ибо взрослый организм не всегда способен перенести её, но католицизм – латинская ересь – вступив в противоборство с ортодоксальной церковью, отказался от опыта преодоления ересей восточными епископами первых веков, от наследия православной науки различения духов. Искажённый отступлением от православия католический мистицизм, не различавший в истерических «видениях» Франциска, Доминика и Лойолы примитивной «прелести», вёл к массовым психическим отклонениям у их последователей, а у остальных к естественному ужасу перед всем, что казалось сверхъестественным.

Учреждённая папой Львом I священная инквизиция из Италии быстро распространилась по Франции, оттуда излилась в Испанию и Германию. Доносы, пытки, костры... Виселицы привычно соседствовали на площадях с костёлами, но количество колдунов и ведьм только множилось. Пытки не вели к покаянию, публичная смерть не избавляла от ада – массовые сумасшествия захватывали целые города: в одну ночь десятки и сотни женщин вступали в союз с дьяволом, ловили беременных соседок, вырывали из них плоды, и, намазывавшись истолчёнными с белладонной трупиками нерождённых младенцев, летели на шабаш. А потом с вызовом рассказывали судьям подробности своего плотского предания инкубам.

Евангельское последование Христу требует от христианина жизни в Духе и не даёт ему готовых рецептов поведения на всякий день и во всякой ситуации, подобно развивающемуся из той же Торы Талмуду. Последование Христу есть личная вера и церковный опыт, исполнение заповедей и непрестанная молитва без торговли с Богом через законность. В своём идеале это жизнь не по Закону, а по Благодати.

«Не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого». Отрешившись от Благодати, католики отвергли Евангелия и обернулись к Ветхому завету – с надеждой исполнением «буквы» юридически индульгировать свои души. И «законы» творились! – Я. Шпренгер, Г. Инститорис, «Молот ведьм»: «Шестой способ произнесения приговора касается таких обвиняемых, дело которых после разбора его судьёй и сведущими людьми указывает на то, что они возбуждают сильнее подозрение в еретичестве. Подобное подозрение возникает тогда, когда обвиняемый не уличён ни собственным признанием, ни вещественными доказательствами, ни обличительными показаниями свидетелей. Но при этом против него имеется ряд весьма убедительных прямых улик, возбуждающих против него сильнее подозрение. ... Если при этом допросе выявились улики её колдовского искусства в виде упорного умалчивания правды или в виде отсутствия слёз, или в виде нечувствительности при пытке, сопровождаемой скорым и полным восстановлением сил, то тогда судья прибегает к различным, в своё время указанным уловкам, чтобы узнать правду».

Заповедь новую даю вам: да любите друг друга.

Так какую Христову любовь несла инквизиция? Доносы, пытки, костры... и массовые сумасшествия... Именно в огнях инквизиции из разрозненных сект и ересей сплавлялся единый антикатолический европейский сатанизм.

«Атеизм только проповедует нуль, а католицизм идёт дальше: он искажённого Христа проповедует, им же оболганного и поруганного, Христа противоположного! Он антихриста проповедует... Римский католицизм верует, что без всемирной государственной власти церковь не устоит на земле, и кричит: Non possumus! По-моему, римский католицизм даже и не вера, а решительное продолжение Западной Римской империи, и в нём всё подчинено этой мысли, начиная с веры» – русскому читателю нет нужды указывать источник цитаты.

Катехизическая схоластика папизма и плебейский рационализм протестантов – одинаково самоубийственное последствие неприятия Западом Духа Святого, Господа животворящего, иже от Отца исходящего, иже со Отцем и Сыном спокланяема и славима.... Естественно, что католики должны были исказить обличавший их Символ веры, а их реформаторы и вовсе отречься от Христова (от апостолов) рукоположения и, следовательно, от таинств.

Подорванный протестантизмом Рим признал то, что только слегка прикрывалось узорочьем иезуитского барокко: меч не оружие против сатаны. И как только появилось ощущение безнаказанности – философствующее богохульство, чёрная магия, изысканный садизм и повальный блуд вышли из тайников и открыто заполнили королевские дворцы, графские замки, дворянские поместья и купеческие дома. В Европе пик увлечения сатанизмом пришёлся на середину XVII века. Для «черных месс», ставших популярными в кругах высшей аристократии, разбойниками поставлялись сотни младенцев. Именно сатанизм с его богохульством, магией, садизмом, блудом и содомией насмерть увязал верхушки и подонки общества.

В нормальном государстве вне закона

Находятся два класса:

Уголовный

И правящий.

Во время революций

Они меняются местами,

В чём,

По существу, нет разницы – Максимилиан Волошин «Путями Каина».

В христианском мировидении уголовный класс – с его осознанными нарушениями всех заповедей – армия ада.

В том же XVII веке феерически взрывается «прогресс» знаний в производстве, торговле, мореплавании, натурфилософии – Гоббс и Декарт, Лейбниц и Ньютон, Спиноза и картезианцы.... Основной философией «Просвещения» стал «материалистический деизм», исходивший из мирообразующего дуализма причины и следствия, материи и движения, эволюции и целесообразности, где Бог – лишь «разумная» первопричина мира, а «естественные религии» – социальный регулятор истории. В своём реальном применении просветительская философия была остро политической доктриной, видя главной своей задачей тотальную критику существующих порядков и противопоставление им «естественного идеала» в грядущем «царстве

разума». Огромное революционизирующее значение имел «Общественный договор» Руссо – «евангелие революции». Якобинская диктатура 1793-1794 гг. нашла в нём формулировки принципов всех своих действий, вплоть до обоснования террора.

Возглавляемый Робеспьером Якобинский клуб был политической организацией Ордена иллюминатов. Отсюда в революционную символику вошли масонские ватерпас, око в треугольнике, арка. Даже «придуманная» Лафайетом трехцветная кокарда обозначала основные разделы посвящений: «голубые» – три первые степени, «красные» – шотландский обряд (с 4-ой по 18-ую), «белые» – высшие с 31-й по 33-ю. Отсюда же – через публичное сожжение «гидры атеизма!» – и провозглашённый 20-го прериала культ «верховного существа». Да и сам этот календарь был символом наступившего «царства разума», царства человекобога.

Работая по клише Французской ложи Великого Востока, питерские и московские «революционеры» были совершенно убеждены, что за заменой монархии на диктатуру неизбежно последует физическое разрушение Церкви – как основания Русского государственного устройства, духовной матрицы Русской нации. По «всеобщему мнению», на место «дискредитировавшего себя косностью» Православия должна была встать «прогрессивная» вера, синтезирующая всё и вся – от каббалы и магии до новейших научных теорий – в подражание «новой религии» якобинского периода. Действительно, не так скоро вычленившиеся из эсеров и анархистов, большевики в захвате власти первое время опирались на идеологических «попутчиков», всех, кто активно работал на разрушение Православия. И это опять же стимулировало масонские надежды на сотворение для новой власти «новой религии». Знаток и наследный поклонник русского тамплиерства А. Никитин, на основе работы с архивами ОГПУ-КГБ и по личным свидетельствам выживших мистиков того времени, вынужден признать, что все ложи и ордена, работавшие на территории России в первые годы Советской власти, являлись ей подконтрольными, а возможно и управляемыми органами ОГПУ. Поэтому предложение «новой религии» висело в воздухе до смерти Дзержинского и хранило шанс реализации до «термидорианского» поражения Троцкого.

В 1925 году Генеральный секретарь Автономного Русского масонства Б. Астромов обращался в ГПУ: «Так что же сближает Автономное Русское масонство с коммунизмом? Прежде всего – пятиконечная звезда, являющаяся малым гербом СССР и принятая в Красной Армии. Эта звезда – весьма почитаема в масонстве, как символ гармонично развитой человеческой личности, победившей свои страсти и нейтрализовавшей крайности добра и зла. Дальше, коммунизм на своем знамени начертал: **ВСЕОБЩЕЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И БРАТСТВО УГНЕТЕННЫХ НАРОДОВ**. Русские масоны тоже призывают к такому братству, называя себя гражданами мира. ... Масонство ничем не отличается от коммунизма, ... причем лозунг коммунизма об **УНИЧТОЖЕНИИ ЧАСТНОЙ**

СОБСТВЕННОСТИ встречает полный отклик в масонстве...».

Но пришедшая к власти в результате внутренней борьбы и тайных переворотов группа Сталина объявила, что новой религией станет материализм. Тогда получивший три года лагерей за мошенничество, вымогательство и принуждение женщин к «половым отношениям в извращенных формах», Астромов в 1926 году обращается с письмом к самому Иосифу Виссарионовичу: «Тов. Сталин! Обращаюсь к вам, как к одному из руководителей Советской политики и Секретарю Центрального Ком.[итета] В.К.П. (б.) ... если бы Коминтерн был перелицован по образцу масонства, т.е. принял бы его внешние формы (конечно, упростив и видоизменив многое), ни Лига Наций, ни кто другой ничего не осмелились бы возразить против его существования, как масонской организации. Особенно Франция и Америка, где имеются целые ложи с социалистическим большинством и где правительство большею частью состоит тоже из масонов. ... Я удивляюсь, как рабоче-крестьянскому правительству не пришло в голову воспользоваться этой старо-рабочей, профессиональной организацией, захваченной буржуазией. Конечно, реформировав её и очистив её, согласно духу и заветам ленинизма (ведь позаимствовали же рабочие организации идею скаутизма и завели у себя отряды пионеров). Тем более, что Соввласть уже взяла масонские символы: пятикон.[ечную] звезду, молоток и серп».

У сталинцев были другие планы. «Современность Российская, императивностью марксизма, принудительно наталкивает (в этом её добро) на необходимость ВЫБОРА монистической системы мировоззрения, внутри которой надлежит «расставить на свои места» накопленные ценности культуры». – П. Флоренский.

В 1926-1928 годах неожиданно умирают Красин, Скворцов-Степанов, Соколов, Козловский... В это же время, сразу после процесса «масонов-ленинградцев», пошли аресты членов московского оккультного ордена «Эмеш редивус», ставившего своей задачей привлечение молодёжи к «научным» программам Института головного мозга АН СССР по практической передаче мыслей на расстояние и овладение оккультными методами господства над стихийными духами «элементалиями». Для последнего снимался подвал дома на Малой Лубянке рядом с расстрельными подвалами ОГПУ – для контактирования с этими «элементалиями», слетающимися на свежую кровь жертв. В 1929 пять же «сам» умер Мануйлов, а за ним в 1933-1934 – Серeda и Луначарский. В 1937 году арестован Бокий и через три года расстрелян наряду с тоже прошедшими через ГУЛАГ Джунковским, Некрасовым и Громаном.

В 1937 году было заведено специальное дело и на розенкрейцеров. Главу ордена Б. Зубакина (бывшего «епископа Бугори Второго» и лектора Политуправления штаба Западного фронта КА) и ряд его ближайших соратников расстреляли, остальные получили большие сроки заключения – лишь за активное сотрудничество со следствием создателю Смоленской ложи проф. В. Архангельскому дали «всего» 10 лет лагерей. Эти же 10 лет ИТЛ получила тогда и Анастасия Цветаева.

Многие судьбы деятелей культуры того времени в своих трагедиях или триумфах официальными биографами до сих пор никак не связываются с их активной деятельностью или же временным участием в тайных обществах, контролируемых, а затем ликвидируемых карательными органами победившего большевизма. И от этого многие повороты судеб Горького и Эйзенштейна, Соллогуба, Есенина или Мейерхольда остаются для широкой публики полными полузагадок-полуслучайностей. Кто и за что новой властью назначался «советским классиком» или объявлялся «врагом народа», получал ордена и сталинские премии или исходил кровавым поносом под Владивостоком – если не знать свойств и предмета торговли – остаётся в сфере гаданий. Ибо достаточно долго – практически двадцать лет – новый «социалистический» реализм вызревал из классицизма, параллельно сосуществуя с бузящим и комиссарящим «новым искусством» пролетариата. Требуется исследование и претензия русских «мистиков» к органам ОГПУ-НКВД, которые, разгромив розенкрейцеров, антропософов и тамплиеров, как-то не коснулись «политических масонов» именно как организации. Это притом, что масонство «Строго шотландского послушания» и «Шведского строгого послушания» утверждает свою преемственность – хотя бы обрядовую – от тамплиеров. Возможно, что это как-то связано с тем, как в своё время – в 1916 году, перед самыми-то переворотами! – Охранное отделение тоже вдруг «закрыло» масонскую тему.

Характерна судьба поэта Валерия Брюсова – известного мага, с 1900-го года члена ложи «Люцифер», а с 1920-го – уже члена ВКП(б), возглавившего Высший литературно-художественный институт по производству «инженеров человеческих душ», увешанного всеми наградами тогдашнего СССР, вплоть до почетного звания народного поэта Армении. Но кто знает, как повернулась бы его судьба, не уйди Валерий Яковлевич в иной мир до конца тридцатых.

Кто знает, от чего поворачивались судьбы иных, оставшихся в этом мире? А Никитин: «А что не было уничтожено тогда, то постепенно уничтожалось в 1930-х гг., так что после 1938 г. вряд ли что-нибудь могло уцелеть на чердаках и в подвалах. Художница Удальцова в начале 1930-х гг. в Москве сама сожгла свои картины, а Бабель – часть своих рукописей, как и Олеша. Что можно еще сказать после этого? С.И. Бернштейн,

современник и друг Тынянова и Томашевского, уничтожил свою коллекцию пластинок, наговоренную поэтами в начале 1920-х гг. Бернштейн был первый в России, тогда занимавшийся "орфоэпией"».

Н

о если какая-то часть творцов и жрецов «новой религии» сумела выслужиться у перераспределявших экспроприированное большевиков, то оказавшиеся в эмиграции «братья» и «рыцари» практически все попали положение «непризнанных», так как европейские масоны поспешили объявить проигравших Гражданскую войну ложами нерегулярными, не имеющими разрешительных хартий. И тогда «магистрам», «членам капитулов», «рыцарям» и «надзирателям» пришлось заново проходить обряды низших ступеней. Так в начале 1930-х годов в парижскую ложу «Северная Звезда союза Великого Востока Франции» вступали литераторы М. Алданов, Вад. Андреев, Г. Газданов, В. Емельянов, В. Жаботинский, В. Завадский-Корсак, С. Луцкий, М. Мабо (Азовский), С. Познер, С. Поляков (Литовцев), В. Прейсман, В. Сосинский, С. Савельев (Шерман), Я. Юделевский (Делевский), А. Юлиус. С 1930-х по 1960-е годы членами парижской ложи «Юпитер» «достопочтенный брат» Серков называет В. Азова (Ашкинази), Н. Бахтина, Г. Адамовича, Н. Евреинова, С. Маковского, В. Зубова, А. Трубникова (Трофимова).

Лидером эмигрантского писательства был М. Осоргин, который привлекал молодых литераторов также к работе в независимой ложе «Северные Братья». Н. Берберова: «М.А. Осоргин до «Свободной России» и «Вех», был членом итальянской ложи (потомки карбонариев, к которым принадлежал когда-то Байрон). Он был гостеприимным человеком и принимал у себя на дому будущих «кандидатов» своей ложи, «молодых», угощал их чаем, был к ним ласков. Возможно, что он обсуждал с ними свои правила. В пушкинские дни в 1937 году 300 человек пришло в храм слушать его речь о Пушкине, – были представлены все русские ложи. Это был большой день в жизни русского эмигрантского масонства».

«Диктат среды» – кажется, это формула Аполлона Григорьева? Но существует ещё и водоворот, воронка «среды», втягивающая, всасывающая в себя всех оказавшихся в сфере её влияния, особенно молодых, лично несостоявшихся, слишком ещё дорожащих мнением окружающих. Среда, пронизанная антимоноархическими настроениями и антихристианской бравадой, расшатывавшая нравственные устои и поносящая патриотизм, не терпела в своём круговороте сколько-нибудь здорового, солнечного.... Но не только жизненные судьбы художников определялись их «членством» или «принадлежностью», прежде всего средой формировалось само их творчество!

Ведь, конечно же, далеко не все из посещавших «кружки» и «общества» обязательно становились «братьями» и «рыцарями» лож и орденов, точно так же как и сегодня не все члены отстойников «Ротари-клубов», «ПЕН-центров» или «орденов белого орла» проходят «кастинг» и посвящаются в тайны своих хозяев. Вовлекаемые в «элитные клубы» перспективами «бизнеса и карьеры», профаны зачастую искренне не понимали (как и не понимают), что, даже показавшись «недостаточно» честолюбивыми и продажными для прямой вербовки, они уже послужили для распространения масонских идей во всех направлениях науки, педагогики, экономики, политики и культуры.

Оглянитесь: масонская символика давно, прочно и плотно вошла в орнаменты не только светской, но, увы, даже церковной архитектуры и отделки, она смотрит на нас с купюр, а ритуалы посвящений легли в композиционную основу спектаклей, музыки, архитектуры, живописи, и, тем более, литературы Нового времени – это так называемые романы «воспитания» и «странствий». Характернейшим «романом воспитания» можно назвать роман Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера» (нем. Meister – мастер), вышедший в 1787 году, где автор описывает ступени собственного посвящения в Веймарскую ложу. Начальный этап - театральные странствия главного героя заканчиваются пожаром. Пройдя через огонь, герой попадает в сад, и далее видит сон, соединяющий прошлое с будущим. Пожар, сад и сон - испытания и приуготовления, предшествующие встрече Вильгельма Мейстера с членами Общества Башни и постижению им секретов ремесла «вольных каменщиков». И более чем через двести лет – в 1993 году, в романе английского писателя Питера Акройда «Дом доктора Ди» тот же «посвятительный путь» проходит главный герой (ученый XVI века): театр, кабинет алхимии, келья прозрения, пророческий сон, сад философов с Мировым деревом и птицей Фениксом, пожар...

Конечно же, никак нельзя не помянуть «Фауста» – «роман странствий», просто не читаемого вне масонской символики и мифологии! Первая сцена трагедии происходит в

кабинете с высокими сводами в готическом стиле – «место для занятий магией». Фауст вызывает Дух Земли – первоэлемент «тёмной комнаты»... В сцене у городских ворот Фауст сидит на камне, где раньше «томил себя постом» – готовился к посвящению. Проходя через эти ворота, он пересекает границу между профанным и сакральным мирами. Следующие сцены в кабинете отражают обряд посвящения первого градуса: Фауст обращается к Священному Писанию, подносит к губам склянку с ядом, заклинает Мефистофеля именами четырех стихий. Дальнейший путь Фауста – это поиск совершенства: в любви – Маргарита, в красоте – Елена, в силе – созидательство и мудрости – Гомункул.

«Дон Кихот», «Гаргантюа и Пантагрюэль», «Приключение Гулливера», «Тиль Уленшпигель», «Рукопись найденная в Сарагосе», «Что делать?», «Овод», «Чёрная курица» и «Буратино»... Читатель вправе добавлять просветительно-посвященческие произведения, постоянно рекомендуемые ему с детства... кем? Хм, учителями.

Термин масонская литература в отечественное литературоведение впервые введен Н. Пиксановым и П. Сакулиным, однако предмет изучения находился под негласным запретом, так что даже Юрий Лотман в своих статьях для советских энциклопедий называл масонские сочинения «агитационными памятниками раннего декабристского движения». Позднее А. Позднеев и В. Сахаров предложили рассматривать масонские песни и оды как особый жанр литературы конца XVIII – начала XIX вв. «Досточтимый брат» современной «Ложи Великой России» А. Серков, рассуждая о роли масонов в формировании «художественного мнения», начинает отсчёт от Московского розенкрейцерского кружка 1780-х годов М. Хераскова и Н. Новикова, направлявшего развитие русской журналистики и оказавшего несомненное впечатление на Н. Карамзина и М. Невзорова. Далее Серков упоминает литературное объединение, сложившееся вокруг петербургской ложи «Избранного Михаила» и «Вольного общества любителей российской словесности», а это – П. Арапов и Н. Бестужев, Ф. Глинка и Н. Гнедич, Н. Греч, М. Загоскин, П. Кайсаров, В. Кюхельбекер, А. Никитин.

Интересно то, что помимо «воспитательной» масонской литературы, главной целью которой ставилась подготовка будущих адептов, и произведений для внутреннего потребления, сами «братья» особо выделяют масонскую литературную критику, называя в числе авторов таковой Ф. Глинку, Г. Адамовича, Н. Бахтина, П. Бобринского, С. Маковского, В. Татарина... Ах, как зудит рука пополнять и пополнять этот список фамилиями современников!..

Архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской): «Одна из уловок духовного зла это – смешать понятия, запутать в один клубок нити разных духовных крепостей и тем создать впечатление духовной органичности того, что не органично и даже антиорганично по отношению к человеческому духу».

Для просвещения профанов и при подготовке к посвятительским церемониям неофитов, масонством применяется мифизация сознания – наполнение его концептуальными блоками, внутри которых отдельные факты и разрозненные события увязаны архитипической логикой мистико-символической последовательности. По мере готовности неофита, познания мифов закрепляются эмоциональным кодированием – обрядами посвящений. Усвоив орденские легенды и пройдя через эмоционально «утверждающие» их ритуалы, мифизированное сознание нового адепта более не в состоянии выйти за пределы «архитипических сценариев» с запрограммированными в них реакциями на «узнанный сюжет», и уже не может адекватно реагировать на встречающееся разнообразие жизненных ситуаций вне готового блока мыслей-цитат и матриц поведения. Так агент «пирамиды» или сектант не волен выйти из состояния транса, пока не «отработает на клиенте» рекламную программу. Кодирование неизбежно связано с символикой, поэтому оно придаёт особое, гипертрофированное значение знаку, ибо только узнаваемые знаки позволяют мифизированному сознанию ориентироваться в окружающем информационном пространстве. Но, так как знак не конвенционален и наполнен смыслом только для определенной группы людей, то «посвящённый» постоянно ощущает дискомфортность среди профанов – гордыня «избранного» неотрывна от фобий чуждого большинства, что во многом объясняет прозелитскую активность масонства, его символистскую агрессивность – закодированный адепт слеп и глух к реалиям мира и, не встречая знаков-подсказок, оперативно беспомощен. «Надо будет признать символогию не научной, но инаучной формой знания, имеющей свои внутренние законы и критерии точности» – жалуется С. Аверинцев.

Простите за отступ: сколько ж говорится и спорится о романтизме или прагматизме декабристов, о мотивации их поступка! Но почему-то никто не вспоминает о сектантском сознании многолетних членов тайных антихристианских обществ, об их неизбежном противопоставлении себя миру (и міру). Взрывы ненависти, акты вандализма и революции всегда имеют метафизическую подоплёку.

«Невозможно было мыслить не категориями масонства», – вторит «брату Серкову» «В.М. Д.» из ложи «Феникс» № 16. И вот, никогда не числившийся масоном поэт Николай Гумилёв, создавая свой «Цех поэтов» на принципах «средневекового цеха мастеров», невольно использует организационные концепты ложи – со всеми своими синдиками, мастерами, подмастерьями. Руководящая роль трех «синдиков» цеха – Гумилёва, Городецкого и Кузьмина-Караваева, сама напрашивается на аналогию с Досточтимым Мастером и двумя Надзирателями ложи. Да и второе самоназвание акмеизма – адамизм, очень даже масонское. В «Нравоучительном катехизисе истинных франк-масонов» И. Лопухин писал: «Первый человек непосредственно получил от самого Творца высочайшую мудрость в познании Бога, Натуры и всего сотворенного. ... Сия Божественная Наука всегда будет и пребудет до скончания Мира в чистых руках мужей избранных».

Честолюбие художника понуждает его искать понимания у своего времени и своей культурной среды. Поэтому Гумилёв не мог не пользоваться образами и метафорами, корнями уходящими в масонские символы, если они уже вошли в сознание «читающей публики»:

Я угрюмый и упрямый зодчий,

Храма восстающего во мгле...

Правда, масоном был ученик Гумилёва Осип Мандельштам: «Я строю – значит, я прав» ... «Акмеизм – для тех, кто, обуянный духом строительства, не отказывается малодушно от своей тяжести, а радостно принимает ее, чтобы разбудить и использовать архитектурно спящие в ней силы...» – его вариант манифеста «Утро акмеизма» оказался настолько перенасыщен «архитектурной» символикой, что был забракован синдиками.

Неподготовленное к реалиям конспирологии сознание просто потрясает приводимый Олегом Платоновым список имён, повлиявших на духовную, творческую, научную и политическую составляющие атмосферы России начала века. Ссылаясь на Н. Берберову, В. Иванова, Б. Николаевского, Н. Свиткова, Т. Бакунину, на данные Департамента полиции, материалы архива Ленинградского ОГПУ, Особый Архив «Сюрте Женераль» (французской службы безопасности), архива КГБ СССР, архива Министерства Безопасности РФ, Платонов называет членов различных лож и орденов, среди которых Марк Алданов (Ландау), Александр Амфитеатов, Леонид Андреев,

Евгений Аничков, Павел Аренский, Петр Бадмаев, Михаил Бахтин, Иван Билибин, Викентий Вересаев (Смидович), Владимир Вернадский, Юрий Завадский, Анатолий Луначарский, Василий Немирович-Данченко, Леонид Никитин, Иван Попов, Владимир Пяст, Николай Рерих, Сергей Сергеев-Ценский, Валентин Смышляев, Новиков-Прибой...

И как только и кому только удавалось выдерживать террор такой среды? И всё же выдерживали. Иван Бунин писал в 1916-ом:

Ходили в мире лже-Мессии

Я не прельстился, угадал,

Что блуд и срам их в литургии

И речь – бряцающий кимвал.

Кроме «внешнего» овладения и управления реакциями «общественного сознания» через навязывание своей оценочности уже существующего общественного опыта, «просвещение» активно и напряжённо работало над блокированием личностного христоцентристского творчества, развивая «параллельное богословие» – псевдо-христианскую философию, ищущую доказательств, что «основа личности – это Ничто» (Н. Бердяев).

В православном понимании истинным, то есть духовным творчеством является преображение личности; её обожение, восстановление человека в изначальных – от сотворения – образе (облечённость во Христа) и в подобии (стяжание Святого Духа). Творчество художественное описывает, фиксирует эту преображаемость языком того или иного вида искусства, переводя этику в категориях эстетики. Эта направленность

творчества к Богу и является истинной шкалой ценности создаваемых произведений, своей целью ставящих достижение идеальной Красоты. «Иисусе, красото пресветлая», «Господь воцарится – в лепоту облечется». У святых отцов красота – непременно первое определение Бога, первое Его познаваемое людьми свойство, буквально во всех описаниях созерцания Горнего на первом месте ими всегда ставится «красота», а потом только – «добро», «мир» и «радость». Восприимчивость к красоте – чувство чисто религиозное. Отсюда и слепость к красоте тоже религиозна – мракобесие.

«Во всех вещах, и во всех личностях, и во всём обществе, и во всей истории, и во всём космосе прекрасной является здесь только озарённость со стороны надмирного и абсолютно-личного Начала, то есть только отражение во всём абсолютного лика Божия» – А. Ф. Лосев.

Истинный художник не может быть нерелигиозен. Творчески одарённая личность остро и постоянно чувствует пределы материального мира и реально ощущает беспредельность иного, откуда в него «входят» темы и ритмы, образы и идеи. Художнику, как никому другому, необходимо постоянная молитвенная защита и умение «различия духов», его посещающих.

Человеческая жизнь, в отличии от животной, – акт религиозный, и культура – продолжение культа. Искусство – проповедь вероисповедания. И внутри этой координаты всё просто: богооставленность – безблагодатность. Бесталанность. Бездарность.... В притче о талантах Господь говорит и об оставлении рабов их господином на время преумножения данных сумм. Данных на время, под ответственность, за которые обязательно спросится. Религиозность – центростремительна, творчество – центробежно, верующий тянется духом в одном направлении, художник душой ищет в противоположном. А как быть верующему художнику? Как сопрячь в себе то и другое, не разорваться, не сойти с ума? О, если бы вся культура не выходила за рамки единого культа! Единого на всю Землю, на всю историю... Если бы не знать скульптуры Греции и архитектуры Индии, не слышать арабских мелодий и не видеть «малых голландцев»... Но даже в нашей родной православной Руси кроме Сороки и Васнецова есть Федотов и Врубель, энергетика чьих холстов тоже пронизывает и обжигает...

И Бога глас ко мне воззвал:

«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,

Исполнись волею моей

И, обходя моря и земли,

Глаголом жги сердца людей».

Энергетика. Вдохновение. Чьё?.. «Собеседниче ангелов»... «Демоновидец»... То и другое – дар, талант, испытание, крест. Кто же собеседник художника? Ангел или бес? Блаженство или одержимость диктуют палитру, размечают партитуру или нашёптывают тексты? Тут-то и проходит разделение солярных и ночных гениев – Пушкин и Лермонтов, Гончаров и Гоголь, Гумилёв и Блок. Мы говорим о настоящих художниках, чья вдохновляемость вне всяких сомнений. Но демоновиденье вовсе не есть демонопоклонничество. Виденье зла, знание зла нисколько не лишает человека права и не снимает ответственности в его выборе служению Богу или врагу – врач не обязан болеть: видения Гоголя и Достоевского только укрепляли их веру.

«Творчество культуры, от культа оторвавшееся, по существу – ПАРОДИЙНО. Пародийность предполагает перемену знака, при тождестве тем» – писал о. Павел Флоренский в тезисах к своей лекции «О демоновиденьи Блока». И если истинное творчество – преображение человека, обожение личности, то в пародии это – падение, обретение им демонических свойств, распад. Отсюда необходимо различать имитации художественного акта, которые возможны как на физическом уровне – бесталанное ремесленничество или плагиат, так и на метафизическом – как осознанное богохульство – в экстазной или эпатажной «чернухе».

Корень, постоянно питающий все разновидности гностицизма – чувство безблагодатности личного бытия. Постоянно практикуемый грех (отрицание промысла Божия) – основная причина безблагодатности, но богоотверженность – это уже акт волевой, акт бунта, богоборческий вызов. Именно богоотверженность является мотивацией для широчайшего спектра теорий и учений о «заброшенности» мира и, следовательно, «неизбежности» посредников между Демиургом и его творением. Безблагодатность – следствие греха, личного или наследного, и единственное

исцеление из этого состояния – покаяние в этом грехе, но изуродованным гордыней умам легче спроецировать собственную греховность на весь мир, на всю вселенную, чем признаться в собственной неполноценности.

Ночь, улица, фонарь, аптека, Бессмысленный и тусклый свет... Исхода нет.

Сладкое честолюбие, терпкая гордыня, кислинка презрения к профанам.... Гортанобесие сродни словоблудию. Но наркоман только на первых порах ловит свой «кайф», уж слишком скоро «доза» становится для него не источником управляемых видений и бесстрастной надмирности, а лишь временным избавлением от всё нарастающей боли, расширяющегося страха, избавлением всё более кратким – ибо День догорел в душе давно.

С. Венгеров когда-то поделил «новое искусство» на две стадии: первая – чистое декадентство, вторая – синтетический модернизм. Порубежье XX-XXI веков утвердило за этими «фазами» наименования модерн и постмодерн.

Декадентство эклектическим распадом классических форм и содержаний всецело посвящено смерти – модерн разрушающ и саморазрушаем, он – активное стремление зла к неданному ему самоуничтожению, вечная тяга смерти к смерти, он – отрицание Бога как Жизни вечной, явное небытие, распад, тлен и чернота.

Синтетический модернизм – постмодерн – эстетический синкретизм бытия и небытия, эклектика в эклектике, уродование библейского «И увидел Он, что это хорошо», ибо постмодерн – кощунственное противопоставление органическому соединению двух природ во Христе механического соединения живого и мёртвого, оккультное творение ублютков, чудовищ и химер.

МОДЕРН – рано или поздно достигаемый тупик творческого самоубийства.

ПОСТМОДЕРН – паразитизм на бесконечности жизни, её бесконечное же омертвление, дегенерация.

В любом случае, «новое искусство» – не может быть новым искусством по своей метафизической природе. Новым – в смысле развития, живого роста, прирастания.

Бог модерна – Сатанаил. «Он же Ангел смерти, он же дурное побуждение».

Идол постмодерна – Бафомет. «Он зверь и человек, он женщина и мужчина в одном лице, он верх-низ, он бело-чёрный и добро-злой».

Одно из качеств Бафомета – андрогинность – «божественная двуполость». И это тоже одно из вечных проклятий «нового», «современного», «авангардного» искусства: оправдывать повальные половые извращения своих адептов самой высокой мотивацией – эстетической, философской. И мистической. Ибо и Сатанаил, и Бафомет требуют к себе именно религиозно-культового отношения. И вот мучимый своей «двуполостью» Мережковский корпит над «третьим заветом» – с «новыми» мистериями вокруг «двуликого и двуприродного» Иакхама-Диониса Будущего – «крылатой Мужеженщины». Пародия, кощунство, безблагодатность, бездарность... уродство... пустота. «Сатана не имеет художественного образа, и он не поддаётся оформлению, ибо он есть отрицание закона, формы и художества.» – Иван Ильин «О демонизме и сатанизме».

«Беда» Мережковского была в том, что он начал своё мифотворчество раньше создания в России масонской литературной критики. Естественно, что его не понимали ни христианские ортодоксы, ни материалистические нигилисты, а вне своей «религии» эклектик из эклектиков эстетического рассмотрения не выдерживал. Это у «младших»,

кто шёл за ним, уже была оболочка глашатаев гениальности их «серебряного века» (золото сатанисты не носят). «Века» в два с половиной десятка лет, в котором за пятью-десятью действительными поэтами (каковые присутствуют в России всегда), остальное – содомистский пиар, рекламные пузыри этой самой критики.

«Если же, по счастью, обратятся они к Богу, тогда спадает вся их тяжесть. И они видят ясно, что прежде на их сердце лежала величайшая тяжесть, хотя они часто и не чувствовали ее... Если ты иногда замечаешь в уме и в сердце крайний мрак, скорбь, тоску, тесноту, неверие... тогда знай, что в тебе сила враждебная Христу – дьявольская. Эта сила темная и убивающая, прокравшись в наше сердце через какой-нибудь грех сердца, часто не дает призывать Христа и святых, скрывая их за мглой неверия...» – о. Иоанн Кронштадтский «Моя жизнь во Христе».

Тяжесть. Мгла неверия. Так что же такого изучали на своих собраниях неопиты, что не позволяло им более жить самостоятельно, мыслить вне концептуальных блоков и знаковых ориентиров, вне оболочек лож и орденов? Что пугало «избранных» в окружении толпы, гнало от церковного звона и томило, давило «серой повседневностью», «проклятом бытом»?..

Около 1787 года тайной масонской типографией в Москве были напечатаны три части «Божественной и истинной метафизики» Джона Пордежа, в которой выведена «высокообразованная Премудрость», которая «подобна Святой Три-Единице, но несколько ниже и близ Её». А. Ф. Лосев: «глубоко ошибаются те исследователи Вл. Соловьёва, которые игнорируют эту каббалистически-гностическую и теософски-окультурную настроенность» – ведь после обязательных к чтению масонами трудов Бёме, Готфрида Арнольда и Сведенборга, Соловьёв интенсивно занимался каббалой в Британском музее. В его «учении» совершенно чётко прослеживается «хвост» иудео-христианской секты эбионитов, с их неприятием факта телесного воплощения Бога Иисуса Христа, «хвост» проросший через лже-учения Боноза Сердикийского и Фотина Сарлийского, через катаров и тамплиеров.

Митрополит Ленинградский и Новгородский Антоний (Мельников) в своей работе «Из истории новгородской иконографии» исследовал масонские источники в трудах философа Владимира Соловьёва, протоиерея Сергия Булгакова и священника Павла

Флоренского. Владыка указывает, что «...именно на средневековом Западе, а не в древней Руси следует искать корни софиологического древа, побегами коего явились учения В. С. Соловьёва, прот. С. Булгакова и др.» ... «не подлежит никакому сомнению, что Отцы Церкви понимали под Премудростью Воплощённое Слово – Иисуса Христа...» И поясняет: «... если для филологии существенно различие «пути» и «ипостаси», «образца» и «образа», то для богословского сознания важно их сущностное единство – «Аз есмь путь и истина», – свидетельствует о Себе Премудрость Нового Завета.» В «Изборнике Святослава» 1073 года приведены слова святителя Анастасия Синаита, патриарха Антиохийского: «... Чьто есть мудрость, създавшая себе дом? Христос Божия и Отчая Мудрость и Сила Свою плоть, Слово бо плоть бы...» И о природе «видений» Соловьёва владыка замечает: «София-Ахамот валентиниан (последователи гностика Валентина, верившие в посредников акта сотворения мира и сотворивших культ этих посредников), связавшая греческое и ветхозаветное (הקטמן) имена с таинственным ликом богини древних мистерий, оказалась весьма устойчивым представлением, прочно вошедшим в каббалистически-окультурную традицию».

Ища опоры в древнем гностицизме, в каббале и средневековой католической схоластике, софиологи с последовательным упорством отрицали святоотеческую традицию православия, опирающуюся на авторитет Евангелия, апостольские послания, наследие святителей Василия Великого, Григория Богослова, Дионисия Ареопагита, Иоанна Дамаскина и других авторов, почти две тысячи лет утверждавших тождественность Премудрости и Логоса. «Параллельное богословие» искало доказательств невозможности соединения Бога и человека, но, если «вольный» философ Вл. Соловьёв в своём диалоге «София» 1876 года чертёжом откровенно разделяет ЛОГОС, ХРИСТА (АДАМ КАДМОН) и ИИСУСА, то священник С. Булгаков вынужден как-то увязывать гностицизм и византийскую традицию, для чего трактует Софию Премудрость Божию как «не ипостась в строгом смысле», а некую псевдоарианскую «тварно-нетварную посредницу» в творении мира, точнее – опять же еретико-католическую (от Боэция и Ланкуина) – «Загадочную Даму», четвёртую ипостась Св. Троицы. София словоблудно изымается из Логоса, обретая самостоятельную качественность, отнимаемую от Христа и приписываемую то Богоматери, то Изиде, а, в конце концов, уж совсем откровенно – праматери миров Кибеле: «мир есть лоно»! Ю. Граббе нашёл краткую формулу этим туманным поискам вечной женственности – «мистический блуд».

Не показательно ли, с какой напористостью «общественное мнение» замкнуто твердит о «русской философии» из «ведьминого кольца» имён Соловьёва, Булгакова и Бердяева? Ах, ещё Флоренского и Розанова! А где Пётр Астафьев, Вениамин Снегирёв, Павел Бакунин? Где Виктор Несмелов и Николай Страхов?

А. Ф. Лосев, искренне и очень даже доброжелательно попытавшийся разобраться с соловьёвской софиологией, пришёл к выводу, что, при всём понимании и симпатии к глубочайшему патриотическому чувству автора, философского учения о Софии нет.

Есть постоянно преследуемая интимно-сердечная тема со слишком обобщённым толкованием, оригинальная смесь эллинско-каббалистической гностики, протестантских идеалистов и русского мессианства: «В этом учении всякий мог найти своё, но и всякий мог находить то, что ему чуждо». Однако, меняясь внешне, софистическое парабогословие, как неприятие единства «Пути и Истины» в личности Богочеловека Иисуса Христа, не пресекается и до наших дней, и современный русский философ Николай Ильин с горечью замечает: «К сожалению, многие видные представители нашей интеллигенции (например, С.С. Аверинцев и И.Р. Шафаревич) продолжают увлекаться софианской ересью, считая себя, насколько мне известно, православными христианами».

«...современное розенкрейцерство я считаю только ложным уклонением от тамплиерства...»

Странно – как розенкрейцерство и теософия влекли российских литераторов, так тамплиерство в основном вбирало в себя артистическую и научную среду. Вообще в оккультной жизни Москвы 1910-1930-х годов «Восточный Отряд ордена Тамплиеров» занимал совершенно особое положение.

Предыстория.

«Орден Тамплиеров Восточный» – Ordo Templi Orientis (О.Т.О.) был основан около 1902 года Карлом Кельнером и Теодором Ройссом (магическое имя – Мерлин) в Германии. Предшественниками О.Т.О. называются ордена Иллюминатов Вейсгаупта конца XVIII столетия и рыцарский Орден крестоносцев-тамплиеров XI века. С 1902 года по 1921 год О.Т.О. распространял влияние на другие страны через назначение Национальных глав и

выдачу им соответствующих хартий и посвящением в X степень. Основателем русского Восточного отряда Ордена Тамплиеров и руководителем с 1919 по 1923 гг. стал вернувшийся в 1917 году в Россию из эмиграции анархист А. Карелин – а до того народоволец, народник и эсер. Продолжали и развивали его дело А. Солонович, Н. И. Преферансов и П. Аренский. Кадры Ордена в первую очередь набирались из театральной среды, литераторов, научных работников, преподавателей ВУЗов, художников. В разные годы членами стали Ю. А. Завадский, Р. Симонов, В. Смышляев, В. Мейерхольд, М. Чехов, А. Благонравов, М. Астангов, Ю. Быстрицкая, С. Васильев, Г. Шторм, И. Новиков, певец В. И. Садовников, композиторы А.Александров и С. Кондратьев, искусствовед М. Сидоров, М. Жемчужникова, М. Сизов, М. Дорогов, Е. Бренёв, А. Чайнов, С. Клычков, М. Булгаков.

С 1923-го года работают дочерние организации Ордена тамплиеров – «Орден света» и «Храм искусств» в Москве, «Орден Духа» (Нижний Новгород), создаются орденские кружки в Ленинграде, Свердловске, в Сочи, Ташкенте и Батуми. Основные трибуны Ордена – Государственный институт слова (ГИС), Институт востоковедения им. Нариманова, МВТУ им. Баумана, Государственная академия художественных наук (ГАХН), Белорусская драматическая студия в Москве (при МХАТ, причём её руководитель Смышляев, как и Чехов, обладал наивысшей степенью посвящения Ордена), Студия Ю. Завадского, театр Вахтангова и музей П. А. Кропоткина, Вегетарианская столовая и Толстовское общество.

После арестов тридцатого года Орден ушёл в глубокое подполье, ещё несколько лет продолжая объединять почти исключительно учёных – М. Лорис-Меликова, А. Синягина, Ю. Щюцкого, Ф. Ростопчина, Г. Гориневского...

Ритуалы Восточного отряда ордена Тамплиеров были предельно просты: кандидат прослушивал цикл лекций по истории и философии, несколько основных легенд ордена (о сотворении мира Сатаноилом, об Атлантиде и Египте), и, в присутствии «старших рыцарей» – при обязательной женщине-жрице, приносил обет верности, после чего и произносилась формула посвящения его в первую степень. При переходе во вторую adept получал белую розу и голубую восьмиконечную звезду, на третьей ступени члену выдавался «белый пояс мученика». Орденскими праздниками считались Рождество Христово, Воскресение, день памяти Иоанна Крестителя и день архангела Михаила. Кроме празднеств, «рыцарями» проводились четыре-шесть ежемесячных ритуальных собраний, а так же акты «благотворительности и просвещения».

Однако тут необходимо помнить, что за внешним кругом «благотворительности и просвещения» в тайных обществах всегда прячется герметическое ядро – то, о котором даже самый лояльный историк русско-советского масонства А.Л. Никитин вынужден был оговариваться: «говорят, что...». Уходя от прямого ответа о «чёрном тамплиерстве» (для чего ему приходится как-то «забывать» о европейско-американском развитии ордена, умалчивая имя отца современного сатанизма Алистера Кроули, многие годы руководившего «Ordo Templi Orientis» и, кстати, получившего при посвящении в тамплиеры магическое имя Бафомет), Никитин зато с удовольствием приводит признание С. Полисандрова в том, что у конкурирующих розенкрейцеров действительно «различается «ток Света» и «ток Тьмы», что даёт нам Белое и Чёрное посвящение».

От дурной славы своего «чёрного» ядра тамплиерам приходилось защищаться аж с 13-го века. Дело в том, что после изгнания из Палестины, Орден перебрался на Кипр и во Францию, и очень быстро в лице тамплиеров, привлекавших дворян всех стран Европы, начало формироваться новое наднациональное правительство, ставившее своей задачей постепенное объединение сначала под своей светской, а затем и духовной властью всю Европу. В пренебрежение нравственных требований христианства орден развернул глобальную ростовщическую сеть, в которой оказались уловлены многие европейские династии. Но французский король Филипп IV Красивый, заручившись поддержкой папы Климента V, сумел организовать и блестяще провести операцию по мгновенному уничтожению первого «глобалистского союза», и предать тамплиеров суду за практикуемый сатанизм.

В 1877 году в Галле посмертно был опубликован труд библиотекаря Мерцдорфа. В данной работе воспроизводились акты инквизиции и уставы ордена, в частности *Statuta secreta Electorum* («Тайные уставы Избранных») – «переданные братьями Роджером де Монтагю и Робертом де Барри, а переписаны Бернардом из S. Audomaro 18 августа 1252 года». В уставах говорится о существовании внутри Ордена ещё одного ордена для избранных – «утешенных», состоящего из тех, кто «благороден по происхождению, хорошо образован и не придерживается католического вероучения».

Предварительно отобранным кандидатам в беседах намекали на невозможность рождения Христа от Марии, на неистинность церковных таинств крещения, причастия и прочих, обещали встречу с лицами, имеющими доступ к «ангельским откровениям», привезённым из восточных стран. Если в ходе посвящения неофит выдавал признаки неготовности к восприятию «истинных знаний», собеседования немедленно превращали в шутку и упаивание вином. Но тот, кто проходил через испытания, допускался к обетам молчания и клятве, что он «верует в Бога Творца, в его единородного Сына и Вечное

Слово, которое никогда не рождалось, не страдало, не умирало на кресте и не воскресало из мёртвых». А также он клялся в ненависти к тиранам-королям и «синагоге антихриста» – католической церкви, и топтал крест.

Здесь необходимо уточнение – при том, что тамплиеры отрицали вочеловеченье Христа-Логоса, физические муки, крестную смерть и телесное воскресение Спасителя, в уставе был параграф, требовавший почтённого отношения к «Иисусу, сыну Марии» – по мнению тамплиеров – реальному историческому лицу, проповедавшему учение «Иисуса – зона Любви». (Ученики Карелина упоминали ещё одного Учителя, «который воспитывался в Египте и был посвящён в таинства его жрецами».)

Показательно, что, предписывая по возможности тщательней испытывать перед посвящением во внутренний орден священнослужителей (а вдруг они вступают для вызнавания тайн в пользу Ватикана?), *Statuta secreta Electorum* рекомендует открывать широкие ворота для тех, кто «в тулузской провинции называют себя «добрыми людьми»(!) и лионской области – «бедными», скрывающимися около Вероны и Бергама, «байолям» Галисии и Этрурии, «боргам» Болгарии, «друзам» на Кипре и горах Ливана, а так же сарацинам в Испании». «Добрые люди» – катары, «бедные» – альбигойцы, а под испанскими сарацинами подразумевались гностики-суфии. Кстати, «борги» – «богумилы», так же считали Сатанаила «братом Христа».

Экуменическое собрание под себя самых разных еретиков во имя «единого бога» подтверждается ритуальным произнесением вводимых в ранг «утешенных» трёх молитв: Моисеевой – из Книги Чисел, Иисусовой – из Евангелия от Иоанна и Бафометовой (Магометовой) – цитаты из Корана – «Один Господь, один алтарь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех, и каждый, призовет имя господа, спасён будет», на что все присутствующие отвечали «Ja allah!»

Не удивляйтесь! Роберт Гравес в своём введении в книгу Идриса Шаха, утверждал, что тамплиеры боролись рядом с суфийскими воинами в Испании. Да и сама терпимость ко всем монотеистическим религиям по происхождению явно исламская, если не конкретно суфийская.

Зачастую имя Бафомет раскрывается просто как синкретизм трёх религиозных традиций: «Трое суть, которые возвестили миру о Боге, и эти трое – суть одно». Но вот некоторые варианты этимологии слова «Бафомет»: 1) действительное искажение имени пророка Магомета (Mahomet или Mohammed); 2) искажение арабского обращения Abufihat – «Отец Понимания» или «Отец Мудрости»; 3) составное из греческих слов Βαφ и Μετις – «Крещение Мудрости». А вот так толкуют современные сатанисты: «Слово Βαφomet, прочитанное справа налево – Temoφrab, будет нотариально формулы: Templi omnium hominum pacis abbas. Что в переводе с латинского значит настоятель храма мира всех людей».

На следующих этапах новоявленный адепт узнавал «тайное учение о Боге, о вовчеловечении и об Иисусе» – о том, что «высочайший бог» не творил этот материальный мир, что его создатель и господин чёрный Иалдабаоф – он же Яхве, и то, что Христос, как и Сатанаил – равные посланцы в наш мир – эоны.

Но самым загадочным, и так до конца сегодня для нас, профанов, не объяснённым остаётся обязательный для посвящаемого обряд поклонения Голове. Тут толкования настолько различны и противоречивы, что разъяснение этого обряда с этим атрибутом стоит оставить до времени.

Из «Золотой лестницы» – легенды русских тамплиеров:

«В стране Кеми – древнем Египте – существовало две касты жрецов и три отличавшихся друг от друга учения. Одно из них было внешним, для народа, и гласило, что после смерти человека его душа переселяется в другое тело...».

«... сами жрецы в это не верили. Они полагали, что переселение душ совершается не на нашей земле, а на других небесных телах, куда те переносятся в зависимости от поступков предыдущей жизни.»

«... среди верховных жрецов была группа посвящённых, которые знали, что наш мир – мир жёлтых солнц – всего только песчинка в мироздании. ... И все эти миры – только светильники у подножия бога Элоима, расположенные по «Золотой лестнице», идущей к престолу...»

«... учили жрецы, что ступенями этой золотой Лестницы являются космосы, которые населяют снизу вверх люди, Леги, Арлеги, Араны, Отблески, Нирваны и Нирваниды, духи Инициативы, духи Силы, духи Познания, духи Гармонии, духи Света и Эоны.»

«... появились два Элоима, чтобы создать вселенную. Элоим Верха выделил Логос, из которого вверх поднялась эманация Слова и океан душ высших. Элоим Низа выделил Хаос и океан душ низших. Элоим Верха поместил своё творение внизу, а Элоим Низа – наверху.»

Из «Бунта Сатанаила» – легенды русских тамплиеров:

«Прекраснейший из Серафимов – Сатанаил – возмутился против установленных богом Элоимом законов восхождения по Золотой Лестнице. И он сказал:

- Пусть сорвут Арлеги Печать Оккультного Молчания со своего космоса для космосов низших. И снимутся тогда по законам оккультного соответствия Печати Оккультного Молчания с космосов высочайших, и откроется свободный путь по Золотой Лестнице, и все духи поднимутся и станут рядом с Элоимом.

Но встретил Сатанаил отпор в лице Михаила, охраняющего Печати Оккультного Молчания, и не удалась его первая попытка. Зазвенел тогда по космосам призывный клич Сатанаила – Легов звал он к себе на помощь. И явился весь космос легов, и незваными к нему прилетели тёмные Леги, Князь Тьмы и тёмные Арлеги.»

«... Не смог Михаил противостоять таким силам. И сорвал Сатанаил первую Печать Окультистического Молчания, печать Знания, и знание широко разлилось по космосам.»

«... На свободе остался Сатанаил, и ни слова упрека не было ему сказано, только отлучили его Серафимы от своих мистических собраний...».

Редко кому из попавших под сталинские «чистки» русских тамплиеров повезло вернуться из ГУЛАГа. Попытка оживить свою деятельность в «оттепель» не удалась, и невостребованный советской идеологической машиной Восточный орден вроде бы «заснул». Вроде бы. Современная его жизнь есть тайна тайн. Но зато европейско-американские «рыцари» активно прописались в мировую историю, и, прежде всего, воссозданием нового сатанинского культа.

В 1904 году, в Каире глава ордена «Ordo Templi Orientis» (О.Т.О.) Алистер Кроули (посвященческое имя Бафомет) под диктовку демона Айваса написал «Книгу Законов», провозглашая – нет, не «новое средневековье»! – а начало «новой эры» прихода сатаны. Надиктованные демоном мировоззренческие идеи: «каждый сам себе бог», «жизнь – это насилие» и «настоящая радость – месть врагам», действовали просто магнетически на тех, чьи имена определили историю XX века. С Кроули встречались Троцкий, Муссолини, считается, что именно он подарил Черчиллю знаменитый жест «виктория», а его «Книга Законов» побывала в руках Ленина. Кроме разработки ритуалов чёрной мессы, Алистер Кроули практиковал и популяризировал сексуальную магию, так что среди его учеников называется и Адольф Гитлер.

Интересно то, что Кроули дважды побывал в России. Впервые около 1898 года в Петербурге, второй раз в 1913 году в Москве и Нижнем, что позволяет его современным последователям (например, Лону Майло Дюкетту архиепископу «Гностической католической церкви» – ответвления О.Т.О.) отождествлять своего учителя с булгаковским Воландом. Дело в том, что после сожительства с подружкой и компаньонкой Айседоры Дункан Мэри Дести Стурджес, Кроули создал труппу из танцующих

полуобнажённых скрипачек «The Ragged Ragtime Girls». Именно они исполняли его мистерии в честь демонов планет в «Аквариуме», театре-варьете на Садовой.

Сегодня О.Т.О. официально насчитывает около трех тысяч человек во многих странах мира, ведет активную издательскую работу, создает новые «лагеря», «оазисы» и «ложи».

Анна Остапчук: «Ordo Templi Orientis – один из самых влиятельных эзотерических орденов современности. ... Сакральный садомазохизм, ритуальное самоудовлетворение, выращивание гомункулов, а венцом этой возгонки страстей, по слухам, является гомосексуальный обряд, который помогает адепту перешагнуть Пропасть и лицом к лицу встретиться с Неизвестным.

...Предмесье Сан-Франциско, Беркли. Это место далеко от оживленного студенческого кампуса: улица пуста, окна тщательно занавешены. Хозяин – улыбчивый полный бородатый человек, Джон. Под сорок? Под пятьдесят? Он увлеченно здоровается со всеми, долго трясет руку гостю из России. ... Мне интересно, используются ли в современной Гностической мессе дети. Кроули, как известно, заповедал, чтобы в центральном коллективном обряде ордена принимали участие двое детей – Положительное дитя и Отрицательное. Джон улыбается:

- Нет, нет. Можно обойтись и без ребятишек. Для мессы нужны двое – Жрец и Жрица.»

Чёрная месса совершается в Вальпургиеву ночь (на 1 мая), на праздник Цветения Папоротника (ночь на 6 июля), на праздник Ламес или Урожая (ночь на 1 августа), на праздник Хэллоуин (ночь на 1 ноября), под православный праздник Сретения (ночь на 15 февраля) и в дни зимнего и летнего солнцестояния, осеннего и весеннего равноденствия, а так же на каждое полнолуние. Но особо отмечена в сатанинском календаре Страстная Пятница: день распятия и смерти Христа называется у них «праздником освобождения».

Сводки МВД РФ девяностых годов XX века фиксируют стабильные показатели преступлений на религиозной почве – ритуальные убийства и самоубийства. Жертвами изуверских сект становились дети, подростки, женщины, бомжи и священнослужители – всегда люди беззащитные. И тут особый нюанс, подчёркиваемый самими участниками чёрной мессы: смысл жертвоприношения заключается не в убийстве как таковом, а в предсмертных муках живого существа, в «выделении энергии».

Иеромонах Анатолий (Берестов): «Реабилитацией жертв тоталитарных культов мы занимаемся уже не первый год. Однако лишь недавно к нам начали приходить сатанисты. ... В Мытищах сатанисток специально заставляют беременеть, вынашивать плод, чтобы затем он пошёл под нож. В районе гостиницы «Украина», кинотеатра «Киев» существуют конспиративные квартиры, где еженедельно приносится человеческая жертва. Иногда это провинившийся член секты, иногда — младенец. ... Младенцы используются не только для ритуалов, но и для сомнительных медицинских манипуляций. Кроме того, в среде «новых русских» сейчас насаждается поверье: если умыться кровью ребенка, вернешь себе молодость».

Дело веры, но на заре двадцать первого века в той же Москве автору этой статьи лично довелось беседовать с участником чёрной мессы. А это уже документ: «В день праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы в конце 1998 года. На выставке в Манеже была представлена экспозиция созданная неким Тер-Оганьяном, являвшая собой ряд икон и надпись: «Прекрасный материал для богохульства – Спас Вседержитель, Владимирская Божия Матерь, Спас Нерукотворный... Осквернение иконы в присутствии заказчика – 50 рублей...» Рядом лежал топор.

Святотатство. Свято-тать. Слово означает «воровство», или даже «убийство святости». Обрядовость сатанистов базируется не только на отрицании, но именно на извращении христианских ценностей – это мистическая пародия. Все основные православные обряды и молитвы имеют у сатанистов схожие, но противоположные по смыслу варианты: «Христос и сатанаш связаны в одно целое; в эзотерической символике Христос и сатанаш изображаются как двуглавый змий. Они делают одно дело. Христос – учитель человечества, сатанаш – экзаменатор...».

И ещё раз крестись, читатель!

Ибо каково же тебе будет прочитать на страницах VI тома ПРАВОСЛАВНОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ в статье госпожи Н.В Шапошниковой о том, что «Воланд творит суд над людьми, в чьих душах торжествует зло...»! Тезис сатанистов об экзаменаторе со страниц официального издания Московской Патриархии – это слишком... сильно. Ведь как бы мы, христиане, знаем – должны знать! – что всем нам, грешным, есть только один Судия. Ещё цитата: «Положительный идеал воплощён писателем в образе жертвующего собой смиренного праведника Иешуа Га-Ноцри...». Ну, во-первых, Иешуа у Булгакова не «жертвует собой», он невольная жертва политических интриг и даже просит Пилата о помиловании себе, а во-вторых, вот что утверждает исследователь иудаизма И.Е. Пранайтис: «Иисус ими называется Иешу, что составляется из Иимах Шемо Узикро, т.е. да сгинет Имя Его и да изгладится память о Нем!». И напоследок: «Мастер и Маргарита избавляются от власти зла: пройдя через страдания, они оказались достойны милосердия. Ибо сами проявили его по отношению к людям. В финале Б. отправил Мастера и Маргариту в «мир покоя» (аналогичный «святилищу покоя» в «Фаусте»), представленный в виде обособленного прошлого и символизирующий творческое бессмертие».

Тут опять просто эхо от последователей «церкви сатаны»: «на том свете всё будет хорошо». Или это из тамплиерской легенды? – «На свободе остался Сатанаил, и ни слова упрёка не было ему сказано...». Неужели госпожа Шапошникова настолько уверена в том, что те, кто читают ПРАВОСЛАВНУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ, не заглянут в «Мастера и Маргариту» и не увидят описания сцен экзальтированной мести Маргариты литкритикам, после превращения её в ведьму? Месть – главное наслаждение сатанистов. Да и ведьмой-то она смогла обратиться, лишь намазавшись «мазью», приготавливаемой из «сваренных частей детского тела, особенно тех детей, которых они убили до крещения» («Молот ведьм»).

Заказ с последующей публикацией статьи человеку сатанинского мировоззрения –

грубейшая оплошность Наблюдательного совета ЭНЦИКЛОПЕДИИ! Понятно желание выглядеть толерантно, однако, отцы родные.... Ведь помещена в том же VI томе, может быть излишне уклончивая, но всё же не святотатственная статья Е. В. Ивановой о «люцефирианине» Брюсове, а далее и вовсе безупречно православная работа М. М. Дунаева и О. Т. Ермишина о Иване Бунине.

Имя, судьба и творчество Михаила Булгакова как ничто лучше подходят для раскрытия приподнятой здесь темы – темы масонской литературы и критики в СССР. И в России, нашей с вами России.

Такова воля Божья, что некоторые имена вошли в Русскую литературу уже после физической смерти своих носителей. Но ввели эти имена в наше культурное наследие не разоблачительство смещённой власти, не коммерческие расчёты или родоплеменные лоббирования: «Сокровенный человек» и «Лето Господне», «Колымские рассказы» и «Тёмные аллеи», «Дар» и «Побеждённые» – шедевры, о самоценности которых не спорят даже враги.

Писатель Булгаков не создал ни одного литературного произведения, которое смогло бы претендовать на несомненную художественность, т.е. было бы адекватным отражением переживаемой и осмысляемой им эпохи в соотношении к эстетическому и этическому уровню требований наследной Русской литературы: «Вся жизнь Пушкина раскрывается перед нами как постановка и разрешение основных проблем всероссийского бытия и всероссийской судьбы. ... Его звание состояло в том, чтобы духовно наполнить и оформить простор русской души, ту душевную свободу, которая нам дана от Бога, от славянства и от нашей природы, – наполнить её по-русски увиденным духовным содержанием, заселить её священными обстоятельствами нашей русской души, нашей русской судьбы и истории. Его звание состояло в том, чтобы пророчески указать русскому народу его духовную цель: жить во всём самобытном многогласии своём, с глубочайшей цельностью и искренностью, божественным содержанием, в совершенной форме». То, что Иван Ильин сказал о Пушкине можно с абсолютной точностью сказать и тех, кто (в одно и тоже время с Булгаковым!) – принимая или отвергая революцию, участвуя или проклиная гражданскую междоусобицу – писал, мыслил и страдал по-русски – Шолохов и Шмелёв, Платонов и Бунин, Волошин и Гумилёв, Головкина и Островский. Булгаков же за пределами круга масонской критики никогда не читался в писательской профессиональной среде, а без тотальной «информационной поддержки» вряд ли бы стал знаком широкому русскому

читателю – ибо этот автор как раз никогда и не ставил перед собой задач Русской литературы, не преследовал целей Русской культуры.

Оставим на время «Мастера и Маргариту», и попробуем разобраться с «Белой гвардией» – «Днями Турбиных». Это должно быть интересно ещё и тем, что именно сим произведением «патриоты» оправдывают Булгакова: ну, как же – «белая», да ещё и «гвардия»! К тому же и доныне теплится предание о том, как любил инсценировку «гвардии» товарищ Сталин.

Булгаков как писатель начался на страницах берлинской газеты «Накануне» и московского журнала «Россия» – рупорах эмигрантского политического течения «Смена вех», провозгласившего «эволюцию умов и сердец»: необходимость признания советской власти и начала сотрудничества с СССР. Сменовеховцы верили или не верили, но страстно убеждали других, что большевики «путём термидора» от «мировой революции» начинают эволюционировать в сторону возрождения русского национального государства. На самом деле, оба издания осуществлялись на деньги ГПУ редактором Исаем Григорьевичем Лежнёвым (Альтшуллером), за плечами которого темнела фигура Дзержинского.

Вряд ли кому и сегодня понятно, каким образом словосочетание «Белая гвардия» раскрывалось текстом, повествующим о делах сугубо семейных, но роман с таким провокационным названием как нельзя лучше подходил ГПУ для иллюстрации возможности «синтеза старого и нового» в непмановской России. Соответствующие инстанции дали «зеленую улицу», и в 1925 году «Белая гвардия» начала публиковаться в «частном» журнале «Россия». Знал ли Булгаков это закулисье? Да. В дневниковой записи ещё 26 октября 1923 г. о «накануневцах»: «Могу себя поздравить, что я в их среде. О, мне очень туго придется впоследствии, когда нужно будет соскребать накопившуюся грязь со своего имени». И вот ещё те оправдания! – «Писал и задумал роман в эпоху наибольшей материальной нужды. В смысле материальных затруднений наиболее тяжелый год был 1922-й».

В какой-то момент (начало конца Троцкого) «проект» «смены вех» свернули. Весной 1926 года Исай Лежнёв был даже на краткое время арестован, но вскоре решением Политбюро послан за границу для работы в советском торгпредстве (в 1935 г. вернулся

и стал редактором «Правды»). Остальные «веселые берлинские бляди», как назвал сменевеховцев Булгаков, были репрессированы и многие, правда, гораздо позже в 1937-1938 гг. погибли – когда, начиная подготовку к большой европейской войне, Сталин «подстраховывался» от возможной в своём тылу «пятой колонны».

Леон Фейхтвангер: «Большинство этих обвиняемых были в первую очередь, конспираторами, революционерами; всю свою жизнь они были страстными бунтовщиками и сторонниками переворота – в этом было их призвание».

Вступление в должность начальника ОГПУ Генриха Ягоды обрушили надежды Булгакова на обещанный З. Каганским выпуск «Белой гвардии» отдельным изданием. И это могло быть далеко ещё не самым страшным.... Как Булгаков успел перебежать с тонувшего корабля на борт к победившим сталинцам? Есть грязная сплетня Иоффе о покровительствующих любовницах, но оставим её на совести Иоффе.... В сценической версии роман сменил ненужное теперь название на более соответствующее теме, а в финале добавилось унтер-офицерское «сама себя высекла»: «Народ не с нами. Он против нас. Значит, кончено!».

«Белая гвардия» получила весьма осторожную благосклонность даже масонской критики. В Париже посвящённый в тайные пружины политики Г. Адамович писал о новом романисте: «С высот, откуда ему открывается вся «панорама» человеческой жизни, он смотрит на нас с суховатой и довольно грустной усмешкой. Несомненно, эти высоты настолько значительны, что на них сливаются для глаза красное и белое – во всяком случае, эти различия теряют свое значение». Теряют своё значение – это главное в «синтезе старого и нового», а художественных восторгов не было.

Гражданская война русским человеком не может описываться «снаружи», «с высот». От житий Глеба и Бориса, от Повести смутных лет, от гоголевских Тараса и Андрия, правота убеждений – как право на убийство отца, брата или сына – самая кровотокающая тема нашей литературы, касаться которой имеет право только тот, кто самоопределяется как неотъемлемая единичность истязаемого и убивающего себя народного тела. Убивающего себя отказом от божественного промысла о себе, от своего крестоношения: Христос русского Православия – не родоплеменной Яхве, а Бог Вселенский, и пролитая в Гражданской войне кровь – не интимная этническая проблема

славян, молдаван или мордвы, а грех народа-богоносца. Но исповеданье этого греха, покаяние в нём – есть таинство Церкви, иноверческое присутствие при котором... нежелательно.

Тем более невозможны на эту тему любые иноверческие суждения – с обвинениями или даже прощениями, и самый фактурный личный опыт авторов «первых конных» со всеми их испуганно-брезгливыми «значительными высотами», православным сознанием не воспринимался, не воспринимается и никогда не воспримется за истинное свидетельство нашей русской трагедии.

«Многочисленны и многообразны пути, которыми диавол входит в душу и удаляет ее от Бога, налегает на неё всем существом своим – мрачным, ненавистным, убивающим... Когда диавол в нашем сердце, тогда необыкновенная, убивающая тяжесть и огонь в груди и сердце; душа человеческая стесняется, все ее раздражает, ко всякому доброму делу чувствует отвращение...» – О. Иоанн Кронштадтский «Моя жизнь во Христе».

Попович, со студенческой скамьи отказавшийся соблюдать православные обряды и посещать церковь, врач, физически возненавидевший свою профессию, не признанный при жизни профессиональной писательской элитой литератор, Булгаков раскрывает тайну своей посмертной «состоятельности» через женщин своей судьбы. Их было три, как и три этапа его жизни – возраст дописательский, период освоения ремесла и время сотворение главного произведения.

В самом прямом смысле отдавшая любимому человеку свою молодость, здоровье и состояние, Татьяна Николаевна Лаппа, человек фанатической верности, после того, как Булгакову – с её помощью! – удалось вырваться из наркотической зависимости, после того, как она выходила и заново поставила его на ноги после тифа, оказалась «более ненужной».

Так как, согласно документам Охранного отделения, «вольные каменщики» ещё до революций имели «оазисы» по КавказЖД, то вполне возможно предположить, что в 1920 году во Владикавказе, опустившийся до морфия неудачник, но уже испытанный

влечение к писательству (пьесы «Глиняные женихи», «Сыновья мулы», «Парижские коммунары») молодой врач, познакомившись с «мастерами», с которыми перед ним общались Мандельштам и Профферансов, мог получить рекомендации к московским «братьям». Ибо имена принимавших его в сентябре 1921 в редакции «Гудка» Олеси и Ильфа есть в масонских списках. А с 1923 года Булгаков уже постоянный гость у видного тамплиера П. Н.Зайцева, тогда члена правления Всероссийского союза писателей, у которого бывали Белый, братья Александр и Михаил Ромм, Пастернак, Волошин, Заяицкий, Чичерин, Козырев, Леонов и Вересаев.

Легальной формой встреч московских масонов в двадцатые годы так же являлись заседания ученых и писателей с изучением каббалистики и оккультной литературы на квартире жены видного масона Никитина Евдокии – «Никитинские субботники». На этих заседаниях присутствовали член Великого Востока Франции А. Луначарский, глава розенкрейцеров Б. Зубакин, писатели П. Романов, А. Новиков-Прибой, П. Сакулин, Н. Бродский, Ю. Айхенвальд, Л. Гроссман. Но, похоже, что собиравшиеся не очень-то высоко чтили в своей среде газетного беллетриста-провинциала, В. Катаев вспоминал: «Он был для нас фельетонистом, и когда узнали, что он пишет роман, – это воспринималось как кое-то чудачество... Его дело было сатирические фельетоны... Помню, как он читал нам «Белую гвардию», – это не произвело впечатления... Мне это показалось на уровне Потапенки... Вообще это казалось вторичным...». А Шкловский и вовсе называл дебютанта «рыжим» у ковра, успех которого – «успех вовремя приведённой цитаты»....

(Для субъективной объективности попробуйте сравнить те же неперевариваемые «Роковые яйца» с блистательным «Гиперболоидом инженера Гарина» – это же был период, когда все, кому не лень, писали «фантастику».)

За эту свою высокомерность завсегда и «субботников» заслужили встречную Булгаковскую характеристику: «затхлая, советская, рабская рвань, с густой примесью евреев... агентура ГПУ».

В начале января 1924 г. на вечере, устроенном редакцией «Накануне» в честь Алексея Толстого, в особняке Бюро обслуживания иностранцев Булгаков познакомился с Любовью Белозерской. Они сразу поняли свою нужность друг другу: она в результате

развода с Не-Буквой только что вернулась из-за границы и буквально нищенствовала, а он без Любви Евгеньевны не только не мог втиснуться в элитный круг столичных литераторов, но и просто вряд ли бы выжил после сворачивания «сменовеховства» – так или иначе, но это её связями А. Енукидзе (который, кстати, не раз и не два выручал арестованных масонов) помог избежать высылки или посадки. Без её личного опыта белоэмиграции – с базаром «Капалы Чарши» в Константинополе и мюзик-холлом «Фоли-Бержер» в Париже, Булгаков вряд ли смог бы придумать «Бег» – верноподданнический пасквиль на остававшихся верными Белому Делу деникинцев и врангелевцев. Без её великолепного знания французского вряд ли у него получился бы и такой «Мольер».

А главное, без неё он никогда бы не узнал, как написать «Мастера и Маргариту» – похоже, что именно Любовь Евгеньевна вовлекла Булгакова в практический сатанизм. Эту версию я слышал ещё в 80-х от художника-реставратора А. Иванова, человека достаточно авторитетного в оккультных кругах Москвы того времени.

Хотелось бы напомнить, что сатанизм – это матриархальный культ левой руки, где только жрица выполняет посвятительные обряды, а подробные описания Любовью Евгеньевной своего участия в постановке сцены «Ночь на колокольне Нотр-Дам» достаточно прозрачно подтверждают её причастность в эмиграции к сатанинским обрядам О.Т.О.. Мы уже говорили, что сексуальная магия, как и чёрная месса, активно практиковались тайным ядром тамплиеров, и, видимо, об этом Булгаков проговорился в дневниковой записи 28 декабря 1924 г.: «Подавляет меня чувственно моя жена. Это и хорошо, и отчаянно, и сладко, и, в то же время, безнадежно сложно: я как раз сейчас хворый...».

Особый статус Любви Евгеньевны подтверждала и постоянная, до глубокой старости, забота о ней самых высокопоставленных «братьев» – в 1928-1930 гг. она корректор собрания сочинений В. Вересаева, с 1936 г. – литературный секретарь Е. Тарле. Её устраивали редактором «ЖЗЛ», «Исторических романов», научным редактором по транскрипции Большой Советской Энциклопедии. С конца 40-х годов она редактор в «Литературной газете» и «Огоньке».

Конечно, расставание Булгакова со своей второй женой обусловлено было не мужской «хворостью», а переходом в новое качество – подготовленный адепт должен был создать главное произведение своей жизни, для чего ему требовалась помощь, и помощь особого рода.

В. Лакшин: «Это было в мае 1929 года (а познакомились они в феврале). Вечер на Патриарших прудах в полнолуние. «Представь, сидят, как мы сейчас, на скамейке два литератора...» Он рассказал ей завязку будущей книги, а потом повёл в какую-то странную квартиру, тут же на Патриарших. Там их встретил какой-то старик в поддёвке с белой бородой (ехал из ссылки, добирался через Астрахань) и молодой ... Роскошная по тем временам еда – красная рыба, икра. Пока искали квартиру, Е. С. спрашивала: «Миша, куда ты меня ведёшь?» На это он отвечал только: «Тсс...» – и палец к губам. Сели у камина. Старик спросил: «Можно вас поцеловать?» Поцеловал и, заглянув ей в глаза, сказал: «Ведьма». «Как он угадал?» – воскликнул Булгаков. «Потом, когда мы стали жить вместе, я часто пробовала расспрашивать Мишу, что это была за квартира, кто эти люди. Но он всегда только «Тсс...» – и палец к губам».

Так Булгаков нашёл и вскоре инициировал готовую службу – не столько ему, сколько его «заданию» – Елену Сергеевну Шиловскую (урождённую Нюрнберг). И она служила, служила во всём, вплоть до того, чтобы стать любовницей первого секретаря Союза советских писателей А. Фадеева (Булыги), убеждённо призывая окружающих: «Сейчас главное – привить людям любовь к Булгакову – и усилить её у тех, кто его уже любит.».

Женитьба на Елене Сергеевне «развязала» Булгакова с так и не признавшей его спектрально широкой масонской писательской средой. «Ленинградское дело» теософов, аресты членов московского оккультного ордена «Эмеш редивус», а позже и разгром розенкрейцеров он переживал уже в чисто тамплиеровском анклав актёров, режиссеров и художников Большого и МХАТа, театров Мейерхольда и Вахтангова, Камерного и Детского.

А. Никитин, сын осужденного по «масонскому делу» и погибшего в ГУЛАГе художника Л. Никитина, в книге «Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в СССР» на основании многолетних исследований приводит следующие подробности жизни театральной Москвы начала века:

«В Москве (1920 г.) занятия эзотерическими науками были продолжены уже без участия Б. М. Зубаткина, причём к Аренскому и Эйзенштейну теперь присоединились В. С.

Смышляев и М. А. Чехов. ... М. А. Чехов был одним из первых учеников Карелина (основатель Восточного ордена Тамплиеров в России), получившим в числе других – П. А. Аренского, Ю. А. Завадского, В. А. Завадской и В. С. Смышляева посвящение... На допросе 26.4.1933 г. Сизов (друг А. Белого, тамплиер и розенкрейцер) показал, что... «артист М. А. Чехов имел одну из старших степеней Ордена».

««Орден Света» возник, скорее всего, на рубеже 1923/1924 гг. как одна из филиалей Ордена тамплиеров, объединяющая литераторов, актёров, музыкантов, художников Москвы».

«Студия возникла...руководство... в связи с отъездом основного ядра труппы во главе с К. С. Станиславским на гастроли за границу в 1922 г., перешло к первой студии МХАТ, ставшей всё в том же 1924 г. МХАТом 2-м. в этой смене руководства решающее значение имело то обстоятельство, что с самого начала, т.е. осени 1922 г., и до закрытия Студии в 1926 г., её бессменным художественным руководителем стал артист и режиссёр Первой студии МХАТ В. С. Смышляев, бывший не просто тамплиером, но и обладателем одной из высших степеней в ордене.»

«Во МХАТе2-м членами Ордена были А. И. Благодеров и Л. И. Дейкун, а в театре им. Е. Вахтангова – М. Ф. Астангов, В. К. Львова, А. М. Лобанов, И. М. Рапопорт и Р. Н. Симонов. В Московском Детском театре работала одна из активных деятельниц ордена Г. Е. Ивакинская, жена географа, профессора А. С. Баркова, тоже тамплиера.»

И опять имена различных «посвящённых» из той же книги: В. Мейерхольд, О. Чехова, А. Бессмертный, А. Гейрот, М. Кнебель, В. Громов, В. Татарин, Б. Бибииков, В. Бендина, Л. Дейкун, А. Сидоров, В. Суренский, А. Авдиев, Н. Леонтьева, З. Мазель, А. Поль, Е. Круссер, Б. Афонин, М. Яроши, Л. Гурвич, В. Садовников, Ю. Быстрицкая, П. Васильев, Зотова, Баталов...

Добавим: Марков, Прудкин, Яншин, Вербицкий, Калужский....

Пожалуй, «Доктор Живаго» и «Мастер и Маргарита» – главные и самые энергозатратные проекты российской масонской литературной критики XX века, т.к. «нобелевец» Бродский – это вложение «братьев» из США. Но, если «продвижение» пастернаковского «романа странствий» понемногу сходит на нет, то сатанинскую инициацию Булгакова самым активным образом продолжают навязывать всё новым поколениям демонократической России.

Почти три века находившееся под спудом православное литературоведение по мере своих сверх убогих технических возможностей всегда противостояло тотальному прозелитству в Россию антихристианских и даже откровенно сатанистских культур, если и не напрямую поддерживаемых, то уж точно поощряемых идеологией экуменической толерантности, материализма и государственной «светскости» – как союзников власти в давлении на великорусскую «патриархальщину». Такое петербургско-имперское, а, затем, и советское видение столкновения культов как конфликтов только культурных или вовсе этнических, давало возможность принципиально не различать РАЗНОПРИРОДНОСТЬ собственно литературы Православия (с её православной литературной критикой) и обще-патриотической литературы Российской империи.

Православная же литературная критика обладает абсолютно самостоятельной этико-эстетической системой критериев с внутримировоззренческой шкалой приоритетов, с зонами терпимости или жёстких табу, только частично совпадающих с позициями критики, определяющей и отстаивающей культурные интересы государства или нации. Прежде всего, в подходе к оценке литературных произведений православная литературная критика базируется на восточно-христианском понимании художественного творчества – как описания душевного отражения духовного преображения личности; восстановления падшей первогрехом человеческой природы в божественном образе (облечённостью во Христа) и подобии (стяжанием Святого Духа), лишь на периферии круга своих задач оперируя наследными историко-этническими и географическими категориями эстетики.

И, конечно же, православная критика не могла обойти молчанием сначала «полуподпольно» выведенный в «оттепель», а затем в Perestrojka мощнейшей пиар-кампанией буквально обрушенный на широкого читателя булгаковский роман о посещении непмановской Москвы адским «экзаменатором». Тут были и политизированные попытки Зарубежной Церкви приспособить это произведение к борьбе с коммунизмом (митрополит Иоанн Шаховской), и категоричные требования немедленно предать автора анафеме, но были и вполне обстоятельные аналитические разработки содержания текста на предмет влияния на сюжет тех или иных идей и жизненных обстоятельств. На сегодня, пожалуй, в своём анализе истоков сатанинских

сюжетов и атрибутов в романе «Мастер и Маргарита» наиболее доказательны работы диакона Михаила Першина и доцента Московской духовной академии Н. Гаврюшина. Скрупулезные сопоставления Гаврюшина описания деталей «бала» с последовательностью и значением ритуалов «чёрной мессы», внимательность к разбросанной по всему роману масонской и каббалистической символики, вычисления параллелей героев с реальными историческими личностями – просто обязаны войти в программу уроков литературы, отведённых на изучение творчества Булгакова.

Однако практически все православные исследователи ставились в тупик образом одного из персонажей романа – «смирненного праведника Иешуа Га-Ноцри». Симпатия автора к безобидному бродячему философу и экстрасенсу настолько очевидна, что за умиленными критиками обычно оставался только один вопрос: насколько, вообще-то, этично вольное переложение самой Евангельской истории? Конечно, это отступление от истины, но... может быть, в период официальной безбожности... и такое «напоминание о Боге»... тоже благо?.. Вот за этими бормотаниями и уходила на задний план Булгаковская ненависть к последователям «смирненного праведника» – от «перевирающего всё» Левия до разнообразных московских «выродков», пытавшихся креститься в страхе перед встреченной нечистой силой – непримиримая ненависть автора к Христовой Церкви.

Так всё же, как трубадур сатанизма мог с таким любованием выписать «человека, похожего на...»? Чтобы разрешить это противоречие, необходимо избавиться от ошибки, заданной владыкой Иоанном (Шаховским) в его предисловии к парижскому масонскому изданию «Имка-пресс» 1967 года, назвавшего «Мастера и Маргариту» «метафизическим реализмом».

Во-первых: в православном понимании РЕАЛИЗМ – ЭТО ИСПОЛНЕНИЕ ДЕВЯТОЙ ЗАПОВЕДИ: «Не послушествуй на ближнего своего свидетельства ложна» – «Не лжесвидетельствуй». Во-вторых, на протяжении всего своего жизненного пути Булгаков обнаруживал отсутствие всякой метафизичности – его творчество всегда было вторично, т.е. обречённо пародийно.

Итак, рассматривая «Мастера и Маргариту» с точки зрения православной критики, прежде всего, необходимо исходить из того, что Булгаковский роман есть прямое и ясно осознаваемое лжесвидетельство на Христа, Церковь и Человека.

Иешуа «Мастера и Маргариты» – персонаж из тамплиеровского учения о никогда невоплощавшемся, и, следовательно, не страдавшем, не распинавшемся и (главное для сатанистов) не воскресавшем «зоне Христе», учение которого в какой-то степени усвоил и проповедовал «добрый человек» «сын Марии». Напомним, что в орденском уставе был параграф, требовавший почтеного отношения к «Иисусу, сыну Марии». То, что считается «вольным переложением Евангельской истории», т.е. вставной сюжет (характерный приём «романа просвещения») с Понтием и Учителем, на самом деле является изложением орденских мифов и легенд, в том числе и легенды об «Аппии Клавдии»:

«Христос был осуждён на смерть за то, что учил добру. Его тело распяли на кресте, а римские власти, ожидавшие восстания иудеев, попытались спровоцировать его, прибив к кресту надпись «ИНЦИ». Они думали, что юноши Иерусалима, прочтя эту обидную для них надпись, бросятся спасать Распятого, и римляне поставили недалеко от креста когарту, которой командовал Аппий Клавдий....».

Следовательно, подменяя церковную историю тамплиеровским мифом, Булгаков публично отвергает Евангелия и искупительной жертвы Иисуса Христа, отрицается Его Святой Соборной и Апостольской Церкви.

И далее: все герои романа «Мастер и Маргарита» обладают лишь двумя природами – физической, подчинённой животным страстям или сопротивляющейся им, и душевной – вступающей или не вступающей в союз с (только!) сатаной. Духовность в человеке адептом каббалистически-гностического учения отвергается, стремление человека к соединению с Богом, преображение и обожение человека, согласно его вере, не существуют.

Второе, о метафизике:

У Булгакова, при его-то достаточно долгой наркотической зависимости, удивительным образом отсутствуют личные мистические переживания, им нигде не зафиксирован реальный опыт видений (естественно – демонических). Описания лже-чудес и «соблазнов» его «дьяволиады» поверхностно натуралистичны – «на уровне Потапенки», то есть, они либо скрытые цитаты из чужого «астрального опыта», либо протокольно-прямые наблюдения непосредственного участника чёрной мессы и посвященческих обрядов. Фельетонный язык, прикрывающий истинность ужаса повествуемого служит как для профанного отведения (если в ходе посвящения неопит выдавал признаки неготовности к восприятию «истинных знаний», собеседования немедленно превращали в шутку и упайвание вином), так и для «утешенных» (высшие посвященные и подлинны авторитеты ордена, которых уже нет с нами, многократно заповедовали нам «Грустный масон – не масон»).

Неспособность Булгакова к внутренней созерцательности наиболее откровенно обнажается фанерной беспомощностью его лирических сцен – когда того требовал сюжет, автор просто заявлял: «она полюбила», «он полюбил». И всё. Ибо сам Булгаков никогда не познал – что творит любовь в душе человека! Вообще-то, способность к лирике – есть самое первое свидетельство мистичности природы художника, свидетельство активности жизни его души, а тут «подобное лепится к подобному», и все «чувства» Мастера и Маргариты – тягостный резонанс у обоих одержимостью сатанизма, созвучие страха перед миром и ненависти к нему, одинаковость ощущения богооставленности.

Слова преп. Максима, обращенные к св. Григорию Синаиту: «Когда злой дух прелести приближается к человеку, то возмущает его ум, делает диким, сердце ожесточает и омрачает, навеивает болезнь и страх, и гордость, очи извращает, мозг тревожит, свет не светлый и чистый, а красноватый, ум делает исступленным и бесноватым и уста заставляют говорить слова непокорливые и хульные».

Е.С. Булгакова: «13 октября (1934 г.). У М.А. плохо с нервами. Боязнь пространства, одиночества. Думает – не обратиться ли к гипнозу». И при этом какова убогость изображения психического расстройства у Бездомного. При булгаковских-то ревности и презрении к Достоевскому.

Но! Всё же необходимо признавать, что роман «Мастер и Маргарита», при всей стилистической неоднородности его фрагментов, отсутствии психологизма портретов героев, вторичности «фантастических картин», всё же обладает действительным магическим воздействием на определённую категорию читателей.

Обычно просматривая «грамотно сделанные» фильм или спектакль, прослушивая концерт или читая «мудрую» книгу, зритель или читатель с первых же минут принимает или отторгает героя произведения согласно собственной идентификации. И если он оказывается внутренне камертонален предложенному автором психотипу, то он из разряда профанов изымается в статус неопита, и вместе с героем (на месте героя) проводится через обрядовую последовательность инициации. Инициации во... что?..

Конечно, подавляющее большинство взявших в руки Булгаковский роман и даже осиливших его до конца, вряд ли разделят авторскую ненависть ко всем и вся, и разве что из страха «неинтеллигентно выглядеть» не станут спорить с организованным масонской критикой «общественным мнением» о «главном романе двадцатого века». Однако какое-то количество одержимых духом зла (через собственную или наследную греховность) неизбежно «узнают» себя в Маргарите или Мастере, и тогда... они не в состоянии уже вырваться из магии «романа».

Это магия скрыта в композиции произведения:

«МАСТЕР И МАРГАРИТА» – МИСТИЧЕСКАЯ ПАРОДИЯ БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГИИ, кощунственное её извращение с полным воспроизведением последовательности при отрицании смысла.

Как мы уже рассматривали выше, сознание человека, прошедшее через «начитку» мифов и легенд, а затем через эмоциональное закрепление ритуалами посвящения, не в состоянии воспринимать, осмыслять и реагировать на окружающую реальность вне готовых блоков мыслей-цитат и матриц поведения. Поэтому, разбирая в масонской литературе сюжет, неправильно говорить о «влиянии», «заимствовании», «мотивах», корректнее только о масонских «источниках» или «сценариях».

Итак:

Начало Божественной Литургии – Часы: поминаются час Первый – церковное начало дня, час Третий – сошествие Святого Духа, Шестой – Крестное страдание, Девятый – смерть Иисуса. И часы начала романа подчёркнуто перетекают из главы в главу, правда, начиная отсчёт с вечера.

Проскомидия – принесение хлебов, эта часть службы совершается в алтаре незримо, в воспоминание о тайне жизни Христа до выхода Его на подвиг – совершенно пустынно и на Патриарших прудах. Священник облачается и умывает руки – Воланд в берете, в «иностранном костюме», при перчатках... В древней Церкви для жертвы Богу выбирались лучшие хлеба, и, естественно, что в булгаковском ритуале из двух присутствующих – Берлиоза и Бездомного – Воланд себе в жертву избирает худшего. На жертвеннике священник изымает из просфоры частички для последующего превращения их в Тело – а тут отрезается голова для чёрной мессы.

Литургия оглашенных – служба для оглашаемых – познающих учение Церкви, готовящихся к крещению. В романе – профаны понемногу начинают понимать, с кем они имеют дело. Главный акт Литургии оглашенных – вынос и чтение Евангелия, олицетворяющие выход Христа на проповедь миру. У Булгакова это выступление заезжего «иностранного иллюзиониста» в варьете.

Великая Ектенья и пение Блаженств. Похабная «Аллилуйя» ресторана с самовосхвалением литераторов, и «Блаженны нищие духом» – безумие Ивана Безродного.

Следует вынос из северных врат алтаря Евангелия – «Благой вести», в романе – афиши. Чтение о жизни и чудесах Спасителя – а тут фокусы... фальшивые ценности... Если вспомнить, что у сатанистов Великая пятница – «праздник освобождения», а в предпасхальную пятницу в церкви читается Евангелия о принятии смерти Иисусом Христом – то и у Булгакова смерть Иешуа – но! – невольная.

Далее идут сугубая ектенья, поминовение мёртвых, ектенья за оглашенных – «я вовсе не артист, а просто хотел повидать москвичей в массе».

«Оглашенные изыдите!» – этим возгласом в древней Церкви удаляли из храма некрещеных перед началом Литургии верных. У Булгакова зачищается квартира от всех претендентов на неё, и вот всё готово: престол – стол, покрытый «церковной парчой»... шпага, девица, семисвешник, карты...

Литургия верных. «Верные» по Булгакову? Конечно они: «что нужно было этой женщине, в глазах которой всегда горел какой-то непонятный огонёчек, что нужно было этой чуть косящей на один глаз ведьме?» Они те, кому хотелось служить злу.

Перенесение Даров – с жертвенника на престол – похоронная процессия.

Далее следует приуготовление верующих к освящению Даров – омоложение Маргариты «обортарными материалами». При этом происходит смена её этнических черт: «кудрявые чёрные волосы». «Невидима и свободна» – для Маргариты это возможность мстить, ведь месть – лавная радость сатанистов.

Освящение Даров... Приуготовление верующих к причастию и само таинство Причащения – параллели с чёрной мессой лучше всего прочесть у Н. Гаврюшина, там есть всё. Разве только одно небольшое замечание: «Вопросы крови – самые сложные в мире!» – в новоиницированной ведьме не просто королевская кровь, а конкретно кровь Мервингов! Тоже интересный момент: в США пока не было ни одного президента без этой самой «крови проклятых королей». Есть она у Щварценнегера, иначе за него не отдали бы девушку из рода Кеннеди.

А ещё можно открыть сайт «церкви сатаны». Или наоборот, Центра по борьбе с деструктивными сектами. В любом случае – практика двадцать первого века: «Обычно черная месса отправляется с 0 часов до 4 часов утра. В самом начале читается «вход» (специальные ритуальные заклинания для вызова сатаны) продолжительностью около 40 минут, за которым следует восхваление сатаны. Второй этап – жертвоприношение. Кровь жертвы разливается в чашу и пьется как «причастие», сатанисты видят в этом «магическое единение с эгрегором природы»».

В роман густо вставлены кощунственные перевёртыши святости, так четыре слуги Воланда – пародия на четырёх евангелистов, с намёками: Кот – лев Марка, Коровьев –

телец Луки.... Да и «Бегемот» – библейский зверь, олицетворение тёмной животной мощи – «дыхание его раскаляет угли, и из пасти его выходит пламя. На шее его обитает сила, и перед ним бежит ужас. ... Сердце его твердо, как камень, и жестко, как нижний жернов» (Иов, 40-41).... Азазелло – ангел смерти, который обязан отвечать на вопросы каббалистов... Тема «прощения матери-детоубийцы» в праздник освобождения – пародия на освобождение Вавилонии в честь Пасхи....

Прошу прощения, но запас моей толерантности иссяк.

Пополнять перечень «параллелей» можно и далее, но не вижу никакого смысла – в любом случае, уже понятно, что здесь не блеск богатства творческих образов, не фейерверк фантазий, даже не сюрреалистическая паранойя, а «рыжие» фельетонные извращения, утлая вторичность, вандализм

«С миром изыдем». Литургия заканчивается Благодарением и отпуском.

«Возблагодарённый» Воланд со своей свитой уносится восвояси. Ибо последователи «церкви сатаны» уверены: «на том свете всё будет хорошо», уверены и тамплиеры: «на свободе остался Сатанаил, и ни слова упрёка не было ему сказано»...

Булгаков называл книгу «моими секретными мифами». Перед смертью попросил принести рукопись, подержал, прижав к груди, и отдал со словами: «Пусть знают!» И «знающий» П. Попов с придыханием писал Е. Булгаковой: «При чтении поражает слаженность частей: все пригнано и входит одно в другое». Да, «всё пригнано и входит одно в другое». Акт... посвящения.

Когда почти четверть века пишешь-реставрируешь по разным храмам, в том числе и по монастырским, то от случая к случаю скапливаются наблюдения: все приходящие за молитвенной помощью или привозимые на «отчитку» одержимые и бесноватые – либо самовольно вступали в контакт с нечистой силой, либо являются потомками колдунов, ведьм и иных... ясновидящих. «Магия не проходит даром. Она засасывает тебя, и в тот момент, когда маг торжественно кричит «ОНИ в моих руках», он сам пребывает в руках ИХ» – это в 1904 году в письме к Валерию Брюсову поделился печальным познанием практической магии Павел Флоренский.

И «проклятие рода» – вовсе не романтические страшилки, а, увы, многовековой опыт, своей страшной повторяемостью доказывающий «закон» Божьей кары до четвёртого колена – на четырёх поколениях. Приворожить ли жениха, отомстить ли соседу, подправить здоровье или урвать фарт – вызывающая к мгновенному удовлетворению страсть слепит, глушит и... обрекает детей, внуков и правнуков на жесточайшие психические и физические страдания и уродства. Потомки вступавших в союз-сделку с демоническими силами подвластны влиянию других носителей и сотрудников этих тёмных сил – именно на них прежде всех «наводится порча», именно они пополняют легионы клептоманов, садистов, наркоманов, лесбиянок и самоубийц....

Вам приходилось видеть как мать кормит с ложечки своего сумасшедшего ребёнка, вы видели – как каменеет её лицо, когда сына связывают в момент припадка? А разговаривали вы с «тем», кто внутри одержимого?.. Муки людей, в которых вошло зло, после того, как научишься различать самого человека и его мучителя – остаются в памяти как личные язвы. Я лишь хотел бы (обязан? зачем-то я это видел!) засвидетельствовать и о такой вот мере ответственности за публичность. Никакая слава, известность не стоят бессмертия души. Своей, а уж тем более – других.

Церковь спасает, восстанавливает, лечит. Лечит, лечит, лечит...

Философов и бомжей, старцев и новорожденных... Постом, молитвой, постригом....

Однако, как вовсе не обязательно реализуется предрасположенность к наследственной болезни, так и «личинка» родительского греха вполне может пролежать не проснувшись, если «инфицированного» не проведут через обряд инициации. Но «я – МИСТИЧЕСКИЙ ПИСАТЕЛЬ» – и вот согласно школьной программе и отсутствию в магазинах иных произведений девочек из далёкой алтайской школы по ночам призвали те же «голоса», что скликают всё новых и новых ведьм и сатанопоклонников со всего бывшего Советского Союза отметить граффити около дверей Михаила Булгакова.

Это ваше право и ваша ответственность – решать, что читать, смотреть и слушать вашим детям. Право и ответственность.

А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской. Горе миру от соблазнов, ибо надобно придти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит.

Евангелие от Матфея (18. 6, 7).